

Победитель Национальной книжной премии критиков
Финалист Премии Фолкнера

оуз с Лароу
Лароуз
Лароуз с

ЛУИЗА ЭРДРИЧ

Луиза Эрдрич

Лароуз

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Эрдрич Л.

Лароуз / Л. Эрдрич — «Эксмо», 2016

Северная Дакота, 1999. Ландро выслеживает оленя на границе своих владений. Он стреляет с уверенностью, что попал в добычу, но животное отпрыгивает, и Ландро понимает, что произошло непоправимое. Подойдя ближе, он видит, что убил пятилетнего сына соседей, Дасти Равича. Мальчик был лучшим другом Лароуза, сына Ландро. Теперь, следуя древним индейским обычаям, Ландро должен отдать своего сына взамен того, кого он убил.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Эрдрич Л., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Два дома	6
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Луиза Эрдрич Лароуз

© 2016, Louise Erdrich All rights reserved

© Тарасов М., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Посвящается Персии и всем людям по имени Лароуз

Два дома 1999–2000

Дверь

Там, где граница резервации незримо пересекала густые низкорослые заросли черемухи, тюльпанного дерева и чахлых дубков, Ландро остановился и стал ждать. Он обещал больше не пить, и после того, как дал слово, пьяным его не видели. Ландро был набожным католиком, но и от веры предков не отказался. Убив оленя, он мог на английском поблагодарить одного бога, а на языке оджибве¹ пообещать приношение в виде табака другому². Он был женат на женщине еще более набожной, имел пять детей, заботился об их пропитании и стремился вырастить из них достойных людей. У его соседа, Питера Равича, была большая ферма, составленная из бывших индейских наделов. Он выращивал кукурузу, сою, а западную окраину владений отвел под сенокос. Он и Ландро, а также их жены, которые были единокровными сестрами, жили в ладу. Если надо, меняли яйца на патроны, картошку на муку, делились детской одеждой, вместе ездили в город – ну и так далее. Их отпрыски играли вместе, хоть и ходили в разные школы. Когда наступил 1999 год, Равич заинтересовался «Проблемой 2000 года»³ и связанными с ней грядущими катаклизмами. Он постоянно говорил о том, что завел автономные источники энергии, установил специальные программы на свой компьютер и запасся всем необходимым. Он даже заполнил старый бензобак и закопал его под сараем. Равич представлял всевозможные ужасы, но случилось то, чего он не мог предвидеть.

Ландро выслеживал оленя все лето, ожидая, что завалит его, растолстевшего на кукурузе, которую убрали совсем недавно. Как всегда, он отдаст часть мяса Равичу. У оленя были свои привычки, и он хорошо освоился на тропе. Он будет ждать, уставившись в полуденную дымку. А затем, перед наступлением сумерек, отважится пересечь границу резервации, чтобы навестить дальние поля Равича. Теперь олень приближался, идя по привычной тропе, то и дело останавливаясь, чтобы принюхаться. Но Ландро ждал с подветренной стороны. Самец повернулся, чтобы всмотреться в кукурузное поле Равича, идеально подставляясь под выстрел. Ландро был опытным охотником, начав с дедом охотиться на мелкую дичь еще в возрасте семи лет. Он выстрелил с хладнокровной уверенностью. Когда олень отскочил и убежал прочь, Ландро понял, что попал в кого-то другого, – в момент, когда он нажал на курок, перед его глазами что-то мелькнуло. Лишь когда Ландро отправился вперед на разведку и осмотрел тропу, он увидел, что убил соседского сына.

Ландро не дотронулся до тела мальчика. Он уронил ружье и побежал через лес к дому Равича, рыжеватой постройке с большим окном и террасой. Когда Нола открыла дверь и увидела Ландро, пытающегося выговорить имя ее сына, она опустилась на колени и указала наверх, где он должен был находиться, – а верней, где его не было. Она только что проверила, там ли он, обнаружила, что мальчик ушел, и собиралась его искать, когда услышала выстрел. Мать встала на четвереньки. Затем она услышала, как Ландро говорит по телефону, рассказывая дежурному,

¹ Оджибве – индейский народ алгонкинской языковой семьи. Расселен в Канаде и в резервациях США. Численность около 360 тыс. чел. Религии: протестантизм, католицизм и традиционные культы. – *Здесь и далее прим. перев.*

² У оджибве распространены тотемизм, охотничьи культы и культы духов-покровителей. Верховное божество – Гитчи-Маниту (Гиче-Маниду).

³ «Проблема 2000 года», или «Миллениум» – мнимый сброс данных всех компьютеров, который, по предположению, должен был произойти 1 января 2000 года.

что произошло. Он уронил трубку, когда она попыталась выскочить за дверь. Ландро сгреб ее в охапку. Она сопротивлялась и царапалась, стараясь высвободиться, и все еще боролась с ним, когда прибыли наряд племенной полиции⁴ и бригада «Скорой помощи». Она не вышла за дверь, но вскоре увидела парамедиков⁵, бегущих через поле. «Скорая», качаясь и кренясь, медленно двигалась к лесу по заросшей травой дороге, где обычно ездил лишь трактор.

Нола выкрикивала в лицо Ландро ужасные вещи, которые потом не могла вспомнить. Племенная полиция была там. Она знала этих людей. «Казните его! Казните этого сукина сына!» – кричала она. Когда Питер приехал и поговорил с ней, она поняла – медики сделали, что смогли, но все было кончено. Это ей объяснил Питер. Губы его шевелились, но она не могла услышать ни слова. Он был слишком спокойным, подумала Нола, все еще находясь во власти бешеного гнева, слишком спокойным.

Ей хотелось, чтобы ее муж отдубасил Ландро до смерти. Она ясно видела, как это случится. Она была маленькой тихой женщиной, которая никому не причинила вреда в своей жизни, но теперь она хотела крови. Ее десятилетняя дочь в то утро заболела и осталась дома, пропустив школьные занятия. Девочку по-прежнему лихорадило, но она спустилась по лестнице и прокралась в гостиную. Мать не любила, когда они с братом устраивали кавардак, оставляя игрушки лежать кучами на полу. Их место было в большой коробке. Сейчас дочь спокойно вынула все, что в ней находилось, и разложила повсюду. Мать увидела это и, внезапно встав на колени, принялась наводить порядок. «Ты можешь не разбрасывать вещи? Неужели тебе не понятно, где они должны лежать?» – сурово выговаривала она. Когда игрушки опять оказались в коробке, Нола снова разразилась криками. Дочь вынула игрушки. Мать швырнула их обратно. Каждый раз, когда она нагибалась и подбирала игрушки, взрослые отводили глаза и громко разговаривали, стараясь заглушить ее причитания.

Дочь звали Мэгги, в честь тетки Мэгги Пис. У девочки были бледная, словно светящаяся кожа и каштановые волосы, которые лежали на плечах озорной волной. Волосы Дасти были светлыми, такого же цвета, как шкура оленя. Мальчик был одет в рыжеватую футболку, и охотничий сезон был в самом разгаре, хотя это не имело значения на той стороне границы, где Ландро сделал роковой выстрел.

Зак Пис, исполняющий обязанности начальника племенной полиции, и Джорджи Майти, восьмидесятидвухлетняя медсестра на пенсии, работавшая коронером округа, и так были перегружены работой. День назад произошло лобовое столкновение. Оно случилось далеко за полночь, когда бары уже были закрыты; ни один из погибших не был пристегнут ремнем безопасности. Коронер штата совершал объезд их района и остановился в резервации, чтобы ускорить оформление документов. Зак как раз разбирался с этой проблемой, когда поступил звонок насчет Дасти. Бедняга сделал паузу, чтобы положить голову на стол, а потом позвонил Джорджи, которой следовало убедить coronera штата остаться еще на пару часов и осмотреть ребенка, чтобы семья могла без промедления приступить к похоронам. Теперь Заку предстояло позвонить Эммалайн. Как двоюродные брат и сестра, они выросли вместе. Зак пытался сдержать слезы. Он был слишком молод для своей должности и излишне добросердечен для полицейского. Сестре он пообещал зайти позже. Так что Эммалайн узнала обо всем еще до возвращения детей из школы. Она как раз пришла домой, чтобы их встретить.

Эммалайн подошла к двери и наблюдала за тем, как старшие дети выходят из автобуса. Они шли с опущенными головами, касаясь руками высокой травы, когда пересекали заросшую канаву, и Эммалайн поняла, что все в курсе произошедшего. Холлис, который жил с ними

⁴ Индейская племенная полиция – блюстители порядка, нанимаемые теми племенами коренных американцев, которые имеют конституционное правительство, в отличие от наследственных вождей.

⁵ Парамедик – термин, используемый преимущественно в США, специалист с медицинским образованием, работающий в службе «Скорой помощи» и обладающий навыками оказания экстренной медицинской помощи на догоспитальном этапе.

с раннего детства, Сноу, Джозетт, Уиллард. Иметь такое необычное имя, как Уиллард, и не получить прозвища в резервации было невозможно. Так что Уиллард был Кучи⁶. Младший ее сын, Лароуз, ринулся им навстречу. Он был ровесником мальчика Нолы. Они с сестрой забеременели в одно и то же время, но Эммалайн после родов положили в больницу Индейской службы здравоохранения⁷. Прошло три месяца, прежде чем она увидела малыша Нолы. Оба мальчика, двоюродные братья, часто играли вместе. Эммалайн сделала сэндвичи, разогрела мясной бульон.

– Что теперь будет? – спросила Сноу, спокойно глядя на мать.

Глаза Эммалайн снова наполнились слезами. Ее лоб покраснел: молясь, она клала земные поклоны и при этом сильно билась головой о пол. Бедняжка источала страх – он словно сочился из нее.

– Не знаю, – ответила она. – Пойду в племенную полицию и побуду рядом с вашим отцом. Это было такое...

Эммалайн собиралась произнести «ужасное несчастье», но вместо этого лишь прижала руки ко рту. Слезы вновь покатались по щекам, капая на воротник. Что еще можно было сказать о случившемся? Ничего. И Эммалайн не знала, как дальше жить ей, или Ландро, или кому-то другому, а в особенности Ноле.

Минута текла за минутой, пока наконец не прошел день, а потом и второй. Приехал Зак. Он сел на диван и провел рукой по косматым волосам.

– Приглядывай за мужем, – посоветовал он. – За ним надо присматривать, Эммалайн.

На миг ей показалось, будто он хотел сказать, что Ландро может покончить с собой. Она покачала головой. Ландро был предан семье, а о своих пациентах заботился так трепетно, что это напоминало одержимость. Он работал помощником физиотерапевта, пройдя обучение на техника диализа, а также прошел подготовку и сертификацию в больнице Индейской службы здравоохранения как ассистент в области персонального ухода⁸. Эммалайн стала обзванивать подопечных Ландро. Начала с Отти и его жены Бап. Когда она позвонила милому старичку по имени Аван, безнадежно больному, и сообщила его дочери, что Ландро не придет, та сказала, что отпросится с работы и станет ухаживать за отцом, пока Ландро вновь не приступит к своим обязанностям. Ее отец любил играть с ним в карты. Однако в усталом голосе дочери прозвучали нотки, показывающие, что она не удивлена. Может быть, у Эммалайн начиналось нечто вроде паранойи – нервы были на взводе, – но ее поразило, что дочь Авана замялась, а потом сказала почти то же самое, что и Зак: «За ним надо присматривать». Дело в том, что они любят Ландро, говорила себе Эммалайн, но позже поняла, что это лишь часть правды.

Расследование было коротким – прошло всего несколько бессонных ночей перед тем, как Ландро освободили. Зак взял ключ у Эммалайн и положил ружье в багажник ее машины. После того как Ландро вышел из полицейского участка, Эммалайн пошла с ним прямо к священнику.

Отец Трэвис Возняк взял их за руки и стал молиться. Он не думал, что найдет слова, но те пришли. Конечно, пришли. «Его цели непознаваемы, Его пути неисповедимы». За плечами священника было слишком много лет испытаний, которые начались прежде, чем он посвятил себя Богу. Отец Трэвис служил морским пехотинцем. Впрочем, он продолжал им быть.

⁶ Хучи-кучи (*сленг*) – непристойный танец.

⁷ Индейская служба здравоохранения – подразделение Департамента здравоохранения и социальных служб США, отвечающее за оказание медицинской и медико-санитарной помощи членам федерально признанных племен американских индейцев и коренных жителей Аляски.

⁸ Ассистент в области персонального ухода – личный помощник, в задачи которого входит помощь больным, слабым или пожилым клиентам в области гигиены, физических упражнений, приема лекарств и связи. В больницах такие специалисты выполняют также административные задачи, такие как заказ медикаментов или организация делопроизводства, хотя большая часть их деятельности связана с помощью пациентам.

Батальон 1/8 морской пехоты⁹. Священник выжил при взрыве бейрутских казарм в Ливане в 1983 году¹⁰. Многочисленные рубцы окружали его шею, извиваясь петлями над воротником и, конечно, уходя в глубь плоти.

Он закрыл глаза, сжал крепче их руки. У него кружилась голова. Ему опротивело молиться о жертвах автомобильных аварий, надоело добавлять «*не забывают пристегивать ремни безопасности*» в конце каждой проповеди, он устал от столь большого количества ранних смертей. Голова закружилась сильнее, и он приготовился к тому, что упадет на пол. Теперь, как, впрочем, всегда, он спрашивал себя, можно ли так притворяться перед людьми, которых любит. Он постарался успокоиться. «*Плачь с теми, кто плачет*». Слезы текли по щекам Эммалайн и Ландро. Говоря, они нетерпеливо смахивали их с лица. Им требовались полотенца. У отца Трэвиса они водились, и тканевые, и бумажные. Он оторвал от рулона два белых квадрата. Два дня назад он сделал в точности то же для Питера. Ноле, чьи глаза, горящие ненавистью, оставались сухими, это не понадобилось.

– Что нам делать? – спросила Эммалайн. – Как все пойдет дальше?

Ландро, прикрыв глаза, принялся бормотать слова молитвы, перебирая четки. Эммалайн взглянула на него, но взяла еще одни четки у отца Трэвиса и принялась делать то же самое. Отец Трэвис не плакал, но его глаза были слегка розоватыми, а веки бледно-лиловыми. Он тоже держал четки. Его руки были сильными и мозолистыми, потому что он ворочал камни, занимался земляными работами и рубил дрова – это его успокаивало. Вот и теперь позади церкви высилась большая поленница. В свои сорок шесть он оставался крепким мужчиной, но его взгляд становился все печальнее. Он преподавал боевые искусства и готовил будущих морских пехотинцев, занимаясь с подростками из «Божьего отряда». Или упражнялся в одиночку. За его столом виднелись аккуратно разложенные гантели, а за занавеской на хорах стоял верстак. После того как они закончили, Ландро молча присел. Отец Трэвис прошел вместе с Ландро через все: через проблемные времена в школе-интернате, через Кувейт, через темный период пьянства, через исцеление у индейских знахарей. И вот, наконец, это. За годы, проведенные в резервации, отец Трэвис не раз видел, как люди стараются сделать как лучше, но все равно получается только хуже. Ландро протянул руку и взял священника за локоть. Эммалайн держалась за мужа. Вместе они прошептали по новому кругу молитвы «Аве Мария»¹¹, и повторяющийся ритм их успокоил. Последовала пауза. Перед тем как они ушли, отцу Трэвису показалось, что его хотят о чем-то спросить.

Ландро и Эммалайн пришли в церковь на заупокойную службу, сели на задней скамье, а потом потихоньку вышли через боковую дверь до того, как маленький белый гробик понесли по проходу.

Эммалайн внешне напоминала ветвистое дерево, прекрасное в своей угловатости. Локти торчали, как сучья, а узловатые колени походили на выступающие корни. У нее был слегка крючковатый нос и яркие темно-зеленые волчьи глаза, которые унаследовала ее дочь Джозетт. У Сноу, Кучи и Лароуза глаза были как у отца – теплые, карие. Белая кожа светловолосой Эммалайн быстро покрывалась загаром. Ее муж, куда более темный, передал детям приятную смуглоту, так что те напоминали пшеничный хлеб, поджаренный на огне. Эммалайн была самозабвенно предана детям. После того как те родились, Ландро понял, что ему придется занять второе место, но, если очень постараться, в один прекрасный день он вновь может стать первым в ее сердце. Возвращаясь домой после визита к священнику, она держала руку на бедре Ландро и крепко сжимала его колено, когда мужа начинала бить дрожь. На аллее, ведущей к

⁹ Первый батальон восьмого полка морской пехоты.

¹⁰ В 1983 году в Бейруте грузовик, начиненный взрывчаткой, врезался в здание казарм морской пехоты, которое обрушилось, погребя под обломками 400 спящих американских солдат.

¹¹ В Римско-католической церкви читаются пять (или пятнадцать) десятков молитв «Аве Мария», причем каждому десятку предшествуют «Отче наш» и «Слава».

дому, он остановил машину, но не выключил двигатель, и тот продолжал работать на холостом ходу. Неяркий свет клонящегося к закату солнца делал черты их лиц заострившимися.

– Я пока не могу пойти домой, – сказал он.

Она бросила на него тревожный взгляд. Ландро помнил ее, Эммалайн Пис, восемнадцатилетней. Тогда у них только что завязались романтические отношения, и она часто глядела на него вот так. Если она при этом улыбалась, это означало, что они вот-вот снова потеряют голову друг от друга. Он был старше на шесть лет. В то время они были гораздо на всяческие безумства. Понимали, что сходят с ума, но ничего не могли с этим поделать. Они должны были прожить эту полосу жизни вместе и вместе очнуться от наваждения. Теперь Эммалайн понимала, что именно удерживает мужа.

– Я не могу заставить тебя войти в дом. И не могу удержать от того, что ты собираешься сделать.

Потом она наклонилась, взяла его голову в свои руки и прислонилась лбом к его лбу. Они закрыли глаза, как будто их мысли слились в одну. Затем Эммалайн вышла из машины.

Ландро выехал из резервации и направился к Хупдансу, где свернул в проулок, ведущий к винному магазину. Завернутую в пакет бутылку он положил на пассажирское сиденье. Потом долго ехал проселками, пока последние огни не скрылись из виду, после чего съехал на обочину и заглушил двигатель. Он просидел около часа с бутылкой, лежащей рядом, затем схватил ее и вышел в холодное поле. Ветер посвистывал у него над головой. Он лег на землю и попытался увидеть образ Дасти на небесах. Ландро предпринимал отчаянные попытки вернуться в прошлое и умереть прежде, чем он пошел на охоту в тот лес. Но каждый раз, закрывая глаза, он снова и снова видел мертвого мальчика на опавших листьях. Земля была сухая, звезды казались дырочками от пуль. Самолеты и спутники подмигивали с высоты. Взошла луна, загоревшись белесым светом, и наконец надвинулись облака, заслонившие все.

Через несколько часов Ландро встал и поехал домой. Ночник тускло светил из окна их комнаты. Эммалайн еще не спала. Она лежала, уставившись в потолок. Услышав хруст сухого гравия под колесами автомобиля, она закрыла глаза, погрузилась в сон и проснулась раньше детей. Она вышла из дома и нашла Ландро в парильне¹², завернувшегося в брезент. Бутылка все еще лежала в пакете. Он подмигнул жене.

– Ох ты, пузырь «Олд Кроу», – сказала Эммалайн. – Ты действительно собирался напиться.

Она поставила бутылку в угол парильни и пошла провожать детей до школьного автобуса. Потом она одела Лароуза, сама накинула теплую куртку, взяла спальный мешок и отнесла его мужу. Когда тот согрелся, она и Лароуз развели костер, бросили в него табака из специального кожаного кисета, а затем положили в огонь доставшиеся от предков камни. Становилось все жарче и жарче. Они также принесли медное ведро и ковш, одеяла и талисманы, короче, все необходимое. Лароуз помогал, чем мог, – он знал, что делать. Он был маленьким мужчиной, любимым ребенком Ландро, хотя отец соблюдал осторожность и никогда никому об этом не рассказывал. Когда Лароуз с серьезным видом присел на корточки на тонких и кривоватых, но сильных ножках и положил в ряд трубки родителей и собственную маленькую священную связку¹³, большое лицо Ландро стало угрюмым. Он посмотрел вниз, потом в сторону, старательно отводя глаза, – так сильно мучили его собственные мысли. Когда Эммалайн заметила его смятение, она взяла бутылку и вылила ее содержимое на землю между ними. Как только

¹² Хижина, как правило, куполообразная, используемая североамериканскими индейцами в ритуальных целях как паровая баня, являющаяся средством очищения.

¹³ Магическая связка – священная связка талисманов, обладающих, по поверьям индейцев, сверхъестественной силой (кремниевые ножи, птичьи когти, клювы, перья, части тела животных, вампуны (бусины из раковин, использующиеся как обрядовые подношения и украшения), завернутые в кусок кожи.

алкоголь впитался, она запела старую песню о росомахе, квиингва'ааге¹⁴, помогающую поддержать дух отчаянно пьяным людям. Когда бутылка опустела, она посмотрела на Ландро и увидела его взгляд, странный и отсутствующий. Тогда у нее возникли догадки. Ей стали понятны его мысли. Она замерла, с тоской уставившись на огонь, на землю. Она прошептала слово «нет». Привстала, порываясь уйти, но не смогла, и ее лицо, когда она села на прежнее место, увлажнилось слезами.

* * *

Они подкинули дров в костер, чтобы он горел жарче, вкатили в него восемь камней, потом четыре камня, потом снова восемь. На то, чтобы нагреть их, при этом то поднимая, то опуская полог, открывая и закрывая дверь, потребовалось много времени.

Но они понимали, что должны это делать. Ничего другого им не оставалось. Конечно, можно было напиться, но сейчас они не собирались этого делать. Теперь с алкоголем было покончено.

Эммалайн знала песни для вноса талисманов, для приглашения манидоога, аадизоокаанага¹⁵ – духов. Ландро знал песни для животных и ветров, дующих в разных направлениях. Когда воздух стал густым от влажных и горячих испарений, Лароуз перекатился через спину, поднял край брезента и вдохнул холодный воздух. Он спал. Песни стали его сонными грезами. Родители пели существам, которых просили о помощи, а те пели предкам – таким далеким, что даже их имена были утеряны. Что же до тех, чьи имена еще хранились в памяти, имена, заканчивающиеся на «-ибан», то они продолжали существовать в мире духов, и с ними все обстояло гораздо сложнее. Они были главной причиной тому, что Ландро и Эммалайн теперь крепко держались за руки, бросая амулеты на раскаленные камни, а затем проливая горькие слезы, рыдая захлеб.

– Нет, – сказала Эммалайн, застонав и оскалившись. – Раньше этого я тебя прикончу. Нет.

Он успокаивал ее, разговаривал с ней, молился вместе с ней. Ободрял. Исполнял вместе с ней Танец Солнца¹⁶. Они делились услышанным во время транса. Тем, что видели, пока постились на высокой скале. Их сын вышел из облаков и спросил, почему должен носить чужую одежду. Они видели, как Лароуз проплывает над землей. Он положил руку на их сердца и прошептал: «*Вы будете жить*». Теперь они знали, что означают все эти образы.

Постепенно Эммалайн теряла сознание. Казалось, несчастная мать испустила дух. Она свернулась калачиком и протянула руку к сыну. Они сопротивлялись мысли использовать имя Лароуз до тех пор, пока не родился их последний ребенок. По-французски оно значило «роза», отличаясь сразу и чистотой, и мощью, и его носили знахари, некогда встречавшиеся в их семье. Ландро и Эммалайн условились никого им не называть, но сын будто родился с этим именем.

В течение нескольких столетий в каждом поколении семьи Эммалайн кто-нибудь носил имя Лароуз. Поэтому Лароузы прежних поколений находились в родстве с ними обоими. Они оба слышали связанные с ними истории.

¹⁴ Росомаха (*оджибве*).

¹⁵ Духи (*оджибве*).

¹⁶ Танец Солнца – широко практикующаяся среди американских индейцев религиозная церемония, как правило, проводимая после нескольких дней поста и предусматривающая групповые танцы, иногда сопровождающиеся самоистязанием (в знак раскаяния или чтобы выйти из транса).

* * *

Шел 1839 год. У стен затерявшейся в краю оджибве фактории индианка по имени Минк, то есть Норка, продолжала шуметь и скандалить. Она требовала у торговца молока, рома, крепкого спирта, красного перца и табака. Прежде ей уже удавалось плачем и визгом добиться подачи в виде небольшого бочонка спиртного. Шум действовал на нервы, но Маккиннон не спешил затыкать ей рот. Минк происходила из таинственной и жестокой семьи, в которой водились знахари, владевшие мощными заклинаниями. Она родилась красавицей и была дочерью Шингоби, который приносил лучшую в округе пушнину. А еще она была женой Машкинга – до тех пор, пока тот не изуродовал ей лицо и не зарезал ее младших братьев. К Минк прижалась дочь, завернувшись в замусоленное одеяло, в котором девчушка пыталась спрятаться. Внутри фактории Вольфред Робертс, делопроизводитель Маккиннона, в попытке приглушить доносящиеся до него завывания обмотал голову лисьей шкурой и завязал высохшие лапки под своим подбородком. Он обладал элегантно кривым почерком и умел уместить по три записи на одной строчке. В этих диких местах постоянно существовала опасность остаться без бумаги.

Семья Вольфреда осталась в Портсмуте, в штате Нью-Гемпшир. Он был младшим из четырех братьев, и для него не нашлось места в семейном бизнесе – его родичи владели пекарней. Мать была дочерью школьного учителя и научила сына всему, что знала сама. Он скучал по ней, и ему не хватало книг. Когда его послали служить у Маккиннона, он взял с собой из дома всего две: карманный словарь и «Анабасис» Ксенофонта¹⁷. Последняя книга принадлежала его деду, и мать не знала, что в ней содержатся непристойные описания. Юноше исполнилось всего семнадцать.

Но даже с лисой на голове он чувствовал, что нескончаемый визг вот-вот его доконает. Он попытался прибраться у очага и бросил собакам побольше объедков. Как только он вновь вошел в дом, за окном началось настоящее столпотворение. Минк и ее дочь вступили в схватку с собаками, отгоняя их прочь. Шум стоял жуткий.

– Не выходи. Я запрещаю, – велел Маккиннон. – Если собаки разорвут их на куски и съедят, у нас будет меньше мороки.

Мать с дочерью в конце концов одолели собак, но и с наступлением темноты шум продолжался еще долго.

Минк начала снова кричать еще до рассвета. Ее высокий пронзительный визг теперь стал громче. У обитателей фактории был невыспавшийся вид, их глаза покраснели. Маккиннон, выйдя за дверь, злобно глянул на докучливую индианку и наградил ее с дочерью пинками. Днем эта ведьма охрипла, что сделало ее голос еще более противным. В нем что-то изменилось, подумал Вольфред. Язык индейцев он понимал не слишком хорошо.

– Эта чертова сука хочет продать мне свою дочь, – объяснил Маккиннон.

Голос Минк был ужасным, интимным и грязным одновременно, когда она описывала то, что девочка могла бы сделать, если Маккиннон согласится купить ее за молоко. Казалось, немолодая индианка сосредоточила всю силу своих воплей на закрытой двери фактории. В обязанности Вольфреда входило ловить и чистить рыбу, если Маккиннон его об этом просил. Вольфред вышел, направляясь вниз к реке, где была польня, которую он время от времени очищал ото льда. В тот день его было особенно много, и юноша перекрестился. Конечно, он не был католиком, но жест говорил о том, что в этих краях побывали иезуиты. Когда он вернулся,

¹⁷ «Анабасис», или «Отступление десяти тысяч» – главное сочинение Ксенофонта, в котором он описал отступление десяти тысяч греческих наемников-гоплитов из Месопотамии на север после злополучной для них битвы при Кунаксе (401 г. до н. э.).

Минк нигде не было видно, а девочка сидела внутри фактории, сгорбившись в углу под новым одеялом, опустив голову, так неподвижно, что ее можно было принять за мертвую.

– Еще минута, и я не выдержал бы, – пояснил Маккиннон.

* * *

В ту ночь, которую Лароуз хорошо запомнил, он спал между матерью и отцом. Запомнил он и следующую ночь. Но он не помнил, что произошло днем.

Ландро и Эммалайн сожгли ружье, зарыли в землю патроны. На следующий день они решили пойти по тому же пути, что и олень. На земле между двумя домами было полно лесной малины. Особенно много ее росло на прогалине, расчищенной огнем, вспыхнувшим после удара молнии. Та попала в один из дубов. Жар проникал под кору, проходя от ветвей в корни, пока дерево не выдержало этого и не лопнуло. Огонь уничтожил деревья вокруг дуба, но дождь быстро остановил начавшийся пожар. Примерно в миле от места, где стояло это дерево, провела детство мать Эммалайн. В старые времена люди защищали свои права на землю, расставляя на ней межевые столбы. Однажды устанавливавший их землемер пропал. Хотя дно озера, тихого и глубокого, находящегося в центре земель, где он работал, обшарили баграми и бреднями, его тело так и не нашли. Многие фермеры, в жилах которых текла индейская кровь, унаследовали тут небольшие участки, но ни один из них не был достаточно велик, чтобы построить дом. Поэтому здесь царила чересполосица, и земли были заброшены – за исключением ста шестидесяти акров надела, первоначально принадлежавшего матери Эммалайн, который она целиком переписала на имя дочери. Поговаривали, что в окружающих лесах живут духи, и немногие, за исключением Ландро и Питера, отваживались здесь охотиться.

Деревья были одеты в яркие уборы: сумах – в пурпур, березы – в золото. Иногда Ландро сам нес сына, иногда передавал Лароуза жене. Они не говорили и не отвечали на вопросительные взгляды Лароуза. Они прижимали его к себе, взъерошивали ему волосы, целовали в сухие, дрожащие губы.

Нола видела, как они вместе с мальчиком пересекли двор.

Что они здесь делают и зачем его принесли?

Она выбежала из кухни и толкнула Питера в грудь. Утро выдалось тихим, но теперь с тишиной было покончено. Она велела мужу заставить непрошенных гостей убраться с ее земли ко всем чертям, и он, погладив ее по плечу, обещал, что так и поступит. Она яростно отпрянула. Черная бездонная трещина между ними теперь, казалось, пролегла навсегда. Его пугало то, что творится с женой, но когда он подошел к двери, в которую постучали, в нем не было злости – ну разве она была совсем небольшой, – а кроме того, они с Ландро были друзьями, куда большими, чем их жены, сестры по отцу, и инстинкт дружбы в нем еще был силен. Ландро и Эммалайн привели с собой сына, совсем непохожего на Дасти и в то же время сильно его напоминающего – так, как это свойственно пятилетнему малышу. Та же любознательность, та же самоуверенность, та же доверчивость.

Ландро медленно поставил мальчика на крыльцо и спросил, нельзя ли им войти.

– Нельзя, – ответила Нола.

Но Питер распахнул дверь. Лароуз сразу посмотрел на Питера, потом с нетерпением заглянул в гостиную.

– Где Дасти?

Лицо Питера опухло и выглядело усталым, но он сумел ответить:

– Дасти здесь больше нет.

Лароуз разочарованно отвернулся, а затем указал на коробку с игрушками, задвинутую в угол, и спросил:

– Можно поиграть?

Нола не нашла, что ответить. Она тяжело опустилась на стул и смотрела, сначала рассеянно, потом все более увлеченно, как Лароуз достает одну игрушку за другой и играет с ними: серьезно, неловко, неповторимо, смешно, всепоглощающе увлекаясь каждым новым предметом.

С верхней ступеньки лестницы забытая Мэгги наблюдала за всем, что происходило. Оба мальчика родились в начале осени. Обе матери не торопились отдавать их в школу, считая, что для учебы они еще слишком малы. Когда мальчики играли вместе, Мэгги верховодила ими, заставляя изображать слуг, если она была королевой, или собак, если была повелительницей зверей. Теперь она не знала, что делать. Не только в игре, но и в обычной жизни. Ее до сих пор не пускали в школу. Если она плакала, мать плакала еще громче. Когда она не плакала, мать называла ее бессердечной зверушкой. Поэтому она просто наблюдала с покрытых ковром ступенек, как Лароуз играет с игрушками Дасти.

Через некоторое время взгляд Мэгги ожесточился. Она ухватилась за стойки перил, как за прутья тюремной решетки. Здесь не было Дасти, чтобы защитить свои игрушки, чтобы делиться ими, только если он хочет, чтобы безраздельно обладать оранжево-розовым динозавром, любимыми модельками автомобилей, миниатюрными джипами. Ей хотелось вихрем ворваться в гостиную, раскидать игрушки по полу. Пнуть Лароуза. Но мать и без того сердилась на нее за то, что она пререкалась с учителем, и ей полагалось сидеть запертой в своей комнате.

Ландро и Эммалайн все еще стояли в дверях. Никто не попросил их войти.

– Вам что-нибудь нужно? – спросил Питер.

Он всегда спрашивал, чем может помочь тому, кто к нему пришел, но только Нола поняла, как грубо на сей раз прозвучали его слова, какая невероятная печаль в них скрывалась.

– Чего вы хотите?

Они ответили просто:

– Теперь наш сын станет вашим.

Ландро поставил на пол небольшой чемодан. Сердце у Эммалайн разрывалось. Она поставила еще одну сумку у входа и отвела взгляд.

Ему пришлось объяснять, что означают слова «*Наш сын станет вашим*», а потом повторить снова.

Пораженный Питер разинул рот.

– Нет, – сказал он. – Я никогда не слышал ни о чем подобном.

– Это старый обычай, – ответил Ландро.

Он проговорил это очень быстро. Можно было многое добавить, чтобы пояснить их с женой решение, но он больше не мог говорить.

Эммалайн взглянула на сестру, которую недолюбливала. Потом, не издав ни звука, она подняла глаза и увидела Мэгги, прильнувшую к перилам. Злое кукольное личико девочки поразило ее. Пора отсюда уходить, подумалось ей. Она резко шагнула вперед, положила руку на голову сына, поцеловала его. Лароуз, поглощенный игрой, погладил ее лицо.

– Позже, мама, – сказал он, копируя старших братьев.

– Нет, – снова сказал Питер, делая отрицательный жест рукой. – Так не пойдет. Заберите...

Затем он посмотрел на Нолу и увидел, что выражение ее лица изменилось. Оно стало мягким. А еще в нем проступила жадность. Казалось, она отчаянно цепляется за этого ребенка, что заставляет ее наклоняться к нему все ниже и ниже.

Врата

Ближе к вечеру Нола приготовила суп и поставила обед на стол, сохраняя при этом очень сосредоточенный вид. После каждого привычного действия она словно забывала, что следует делать дальше, и ей приходилось собираться с мыслями, чтобы найти тарелки, достать масло, нарезать хлеб. Лароуз начал медленно есть суп. Потом, неуклюже держа нож, намазал маслом хлеб. Он умеет вести себя за столом, подумала Нола. Его присутствие успокаивало и в то же время вызывало нервозность. Он был Дасти и вместе с тем казался противоположностью Дасти. Питера одолевало смущение. «Это невероятно, – подумал он. – Я до сих пор в шоке». Мальчик привлекал спокойствием и самообладанием, неумным любопытством, но когда Питер понял, что ему нравится за ним наблюдать, то почувствовал муки совести, как от предательства. Он говорил себе, что Дасти не обращает на это внимания, что это не может его волновать. Он также понимал: Нола не возражает, чтобы ей оказали помощь таким способом, но не мог сказать, восприняла ли она этот немислимый дар как проявление благородства, или считает, что отсутствие ребенка со временем заставит сердце Ландро истекать кровью.

– Отведи его в ванную, – сказала Нола.

– Тогда... Ну ладно.

Они обменялись вопросительными взглядами. Потом оба решили не класть его в кровать Дасти. Кроме того, Лароуз дважды спрашивал о матери и принимал объяснения. На третий раз, однако, мальчуган повесил голову и заплакал. Он еще никогда не разлучался с матерью. Теперь она ушла, и он был в недоумении. Мэгги гладила его по голове, подсовывала игрушки, всячески развлекала. Казалось, девочка смогла его успокоить. Она спала на старой бабушкиной резной двуспальной кровати. Там было достаточно места. «Я не могу с ней сейчас разговаривать», – сказала Нола, поэтому Питер просто принес чемодан и полотняную сумку с чучелами животных и игрушками в комнату Мэгги. Дочери он сказал, что у нее будет вечеринка с ночевкой. Питер помог Лароузу почистить его мелкие молочные зубки. Мальчик сам разделся и надел пижаму. Он был худее Дасти. На лбу волосы свисали мягким чубчиком и были немного темней, чем у Мэгги. Питер уложил его в постель. Мэгги стояла в нерешительности. Ее длинная ночная рубашка из белой фланели висела, словно колокол, вокруг лодыжек. Она откинула одеяло и залезла в постель. Питер поцеловал их обоих, пробормотал что-то и выключил свет. Закрыв дверь, он почувствовал, как сходит с ума, но горе ощущалось уже по-другому. В его сознании все смешалось.

Лароуз сжал мягкую куклу – неведомого зверька, с которым часто играл, подражая старшему брату, который любил устраивать представления с пластмассовыми фигурками из серии о супергерое. Его сшила Эммалайн. Грязный мех местами протерся. Один глаз-пуговка оторвался. В том месте, где шов разошелся, мать запихала выбившийся пух рогоза и прихватила прореху крупными стежками. Красный фетровый язык зверька изнашивался так, что напоминал ленточку. Сперва дрожь, которую Лароуз долго сдерживал, была такой легкой, что ее трудно было заметить. Но вскоре она стала прокатываться по его телу широкими волнами, а потом появились и слезы. Мэгги лежала рядом с ним в постели, ощущая его несчастье, которое делало ее собственное несчастье таким сильным, что у нее готово было остановиться сердце.

Она перевернулась и спихнула Лароуза с края матраса. Он упал, таща за собой одеяло. Мэгги выдернула его из-под мальчика, и Лароуз, икнув, оказался на голом полу.

– Из-за чего ты плачешь, малыш?

Лароуз начал рыдать, тихо и безутешно. Мэгги почувствовала прилив черной злости.

– Хочешь к мамочке? К мамочке? Она ушла. Она и твой папуля оставили тебя здесь, чтобы ты стал моим братом, как Дасти. Но ты мне не нужен.

Когда Мэгги сказала это, она почувствовала, как черная злость улетучилась. Она сползла с кровати и нашла на полу Лароуза. Он молча лежал в углу, свернувшись в клубок, в обнимку с набитым пухом зверьком. Она прикоснулась к спине мальчика. Он был холодным и окоченевшим. Мэгги взяла свой спальный мешок и натянула на них обоих. Затем она обняла малыша, согревая своим теплом.

– Ты мне не нужен, – в страхе прошептала она.

Спустя несколько лет эта ночь стала для Лароуза драгоценным воспоминанием, то и дело всплывающим в памяти, и он лелеял его, ибо то была первая ночь, проведенная с Мэгги. Он вспоминал теплую фланель ее рубашки и ее объятия. Он верил, что в ту ночь они стали братом и сестрой. Он забыл, что она вытолкнула его из постели, забыл ее злые слова.

* * *

Вольфред посмотрел на девочку, этот завернутый в одеяло комок плоти. Маккиннон всегда был честен – для торговца, конечно, – и не проявлял никаких признаков морального разложения за пределами обычного: продажа рома индейцам запрещалась законом. Вольфред не мог поверить в то, что случилось, и поэтому снова отправился на рыбалку. Когда он вернулся с еще одной связкой рыбы, его голова была ясной. Он решил, что Маккиннон выступил в роли спасителя. Он избавил девочку от Минк и от положения рабыни в каком-то другом месте. Вольфред нащепал растопки и развел рядом с факторией небольшой костерок, чтобы приготовить рыбу. Он зажарил весь улов, и Маккиннон съел это лакомство с черствым хлебом, оставшимся с прошлой недели. Ничего, завтра Вольфред испечет новый. Когда он вернулся в дом, девочка сидела там же, где раньше. Она не шевелилась и не вздрагивала. Похоже, Маккиннон не прикасался к ней.

Вольфред поставил тарелку с хлебом и рыбой на грязный пол поблизости от нее. Она жадно все съела и вздохнула, переводя дыхание. Он поставил рядом с ней кружку с водой. Она выпила ее залпом, под конец издав тихий звук, напоминающий детский лепет.

После того как Маккиннон наелся, он залез на свое лежбище, сооруженное из жердей и медвежьих шкур, где привык напиваться, чтобы уснуть. Вольфред прибрался в фактории. Затем он нагрел ведро воды и присел рядом с девочкой. Он намочил тряпку и приложил к ее лицу. Когда спекшаяся грязь отошла, постепенно, одна за другой, показались ее черты, и юноша нашел их очень приятными. Губки у девочки были маленькие и пухленькие. Глаза смотрели приветливым взглядом. Брови расходились идеальными дугами. Теперь, когда ее лицо обнажилось, он уставился на него в смятении. Она была так изящна. Знал ли об этом Маккиннон? И знал ли он, что удар его ноги сколол уголок одного из передних зубов и оставил большой синяк на нежной, как лепесток, щеке девочки?

– Гиимиикаваадиз¹⁸, – прошептал Вольфред.

Он знал, как описать на оджибве ее внешность.

Юноша осторожно прошел к углу дома, где, как он знал, находилось то, что ему было нужно, и размешал в миске грязь. Потом он взял девочку за подбородок и осторожно вновь наложил глину на ее лицо, скрыв под ней поразительные линии бровей, идеальную симметрию глаз и носа, удивительный изгиб губ. Она была изящным ребенком одиннадцати лет.

¹⁸ Ты прекрасна (оджибве).

* * *

– Прошлой ночью они спали на полу, – проговорила Нола. – Это должно прекратиться, объяснила я Мэгги. Если тебе так нравится пол, сказала я, могу предоставить его в твое полное распоряжение. Будешь стоять на нем в углу. Знаешь, она огрызнулась. Ладно, заявила я. Тогда ты наказана и не выйдешь из комнаты без моего разрешения. А малыш снова плачет. Прямо не знаю, что делать.

Она взмахнула рукой. Ее лицо было измученным и серым, а тело казалось иссохшим. Всю неделю она держалась, но теперь настали выходные, и Мэгги весь день провела дома.

– Выпусти ее, – попросил Питер.

– О, она уже и сама вышла, – сердито заметила Нола. – Сидит себе, завтракает.

– Почему бы тебе не разрешить им играть вместе? Они будут счастливы.

Питер и Нола уговорились всегда поддерживать решения друг друга, когда это касается детей. Но теперь все пошло наперекосяк, подумал Питер. Спустя несколько минут он застал Нолу тыкающей Мэгги головой в миску с овсянкой. Мэгги сопротивлялась. Когда Нола увидела Питера, то убрала руку с шеи дочери, как будто ничего не случилось.

Тяжело дыша, Мэгги устала на застывшую кашу. Мать не разрешала класть в нее изюм или сахар, потому что от них может быть кариес. Девочка подняла взгляд на отца. Он сел и, пока Нола стояла к ним спиной, переложил большую часть овсянки себе в тарелку. Потом жестами показал, что пора начинать есть. Мэгги взялась за ложку. Он взял свою раньше нее, зачерпнул овсянку и отправил себе в рот, состроив грустное лицо клоуна. Мэгги сделала то же самое. Они закатили глаза, а потом посмотрели на Нолу, словно голодные собаки. Лароуз последовал их примеру, хоть и не понимал, что происходит. Не оборачиваясь, Нола сказала Питеру:

– Прекрати эту фигню.

Питер крепко сжал свою ложку и пристально посмотрел в спину жене.

Питер думал, Нола сразу начнет выздоравливать, когда проблема будет решена. Он считал, что пора отправить Лароуза домой. Но он хотел, чтобы такое решение приняла жена. Вместо этого та принялась строить планы.

– Я собираюсь приготовить для него торт, – сказала она, глядя на мужа затуманенным взглядом. – Со свечами, как на день рождения. Я поставлю их рядами, и пусть он постарается их задуть. Он сможет загадать сто желаний.

Она отвернулась. Врач прописал ей успокоительное. Она примет его на Рождество. Я стану печь Лароузу по тарту каждый день, думала она. Только бы он перестал плакать, только бы прижался ко мне, как это делал Дасти, только бы стал моим сыном, моим единственным сыном, ведь другого у меня больше не будет. Какое-то упрямое, застарелое чувство обиды не давало Ноле сказать Питеру, что месячные у нее прекратились вскоре после рождения Дасти, и доктор не мог объяснить, почему. Питер не заметил никаких изменений, но вообще-то она всегда была скрытной, когда дело касалось здоровья. Эммалайн была единственным человеком, который об этом знал. Как у нее захватывало дух от того, что она доверила такой секрет именно сестре! Ее сердце сжималось. Это и стало, думала Нола, причиной тому, что ей принесли Лароуза. Эммалайн поняла.

Именно из-за того, что сестра знала ее так хорошо, Нола и ожесточилась против Эммалайн, отвернулась от нее и боялась.

* * *

Питер в конце концов отправился к Ландро. Он мог пойти пешком – тот жил всего в полумиле. На западе был Хупданс, на востоке и севере – резервация и являющийся ее центром поселок. На юге был Плутон, вымирающая маленькая община, в которой еще имелась школа. Именно в нее ходила Мэгги, и туда же предстояло пойти Лароузу, если ситуация не изменится. Въехав на пустую дорожку, ведущую к дому Айронов, Питер заглушил двигатель. Окна маленького серого дома были совсем темными. Сбоку прилепилась незаконченная терраса из фанеры и досок. Брезентовый полог был снят с изогнутых шестов парильни, стоящей позади дома. На дереве висела кормушка для птиц, сделанная из молочного пакета, на подъездной дорожке стоял ящик, полный банок для консервирования, а во дворе валялись разбросанные игрушки. Собаки, которая обычно вертелась поблизости, теперь не было видно. Айроны, скорее всего, уехали навестить родственников в Канаду или подались к одному местному парню, знахарю по имени Рэндалл, на семейное торжество. Друга с Ландро, он знал, что его друзья практикуют индейские религиозные ритуалы. Как они называются, он не мог припомнить. Питер очень смутно представлял себе традиционные верования, которыми увлекался Ландро. Когда они были вместе, то предпочитали рыбачить или охотиться. Питер знал, насколько осторожно обращался с ружьем Ландро, и казалось невероятным, что он мог совершить такую ошибку. Питер оставил машину на подъездной дорожке и пошел за дом Ландро, в лес.

Он двигался по тропе, которая вела его к месту, где погиб Даста. По пути туда он увидел того пса – с короткой шерстью и с рыжеватыми подпалинами. Он стоял спокойно, словно ждал его. Морда настороженная, желтовато-коричневого цвета. Уши приподнялись, когда пес вышел из кустов. Он изучал. Питер остановился, поражаясь его хладнокровию и тому, как животное смерило его взглядом. Пес исчез, когда Питер сделал шаг по направлению к нему. Не раздалось ни звука, как будто лес просто поглотил еще одно существо.

Ночные порывы ветра, сопровождавшие недолгий дождь, сорвали большую часть листьев. Еще сохраняя яркие краски осени, они слоями лежали на земле, усеянные бриллиантами капель. Утренние лучи так ярко освещали белую березку, что она едва ли не сверкала. Когда он проходил через дубовую рощицу, воздух потемнел. Наконец он остановился там, где стоял Ландро, прямо напротив места, где, верно, остановился олень. Непосредственно между ними стояло дерево, на которое, по словам Мэгги, она часто забиралась вместе с братом. Питеру и в голову не приходило, что его дети заходили так глубоко в лес и играли так далеко от дома. Но дерево с низко раздвоившимся стволом и изогнутыми ветвями было неотразимо. Одна ветка была сломана. Он подошел и провел рукой по колючему излому. Затем оголенный участок земли под нижней веткой заставил его встать на колени. Он положил на него ладонь. Вся трава вокруг была вытоптана. Питер лег на спину. Глядя вверх, он догадался, что перед смертью Даста полез на дерево – он сидел на ветке, когда увидел огромного оленя. Пораженный, он упал прямо под выстрел Ландро. Питер читал заявление друга, и все, что тот написал, совпало с картиной, представшей его глазам.

Теперь он лег на место, где жизнь Даста уткнулась в землю, и закрыл глаза, прислушиваясь к звукам окружающего леса. Он услышал синицу, далекого поползняка, каркнувшую где-то вдалеке ворону. Крикнув, услышал свой голос. А затем уловил шелест веточек, листьев. Падение сосновых иголок. Запах благовонных трав, табака, кинникинника¹⁹, приношений. Ландро тоже был здесь.

¹⁹ Кинникинник – вещества, используемые североамериканскими индейцами в качестве заменителя табака или для смешивания с ним. Как правило, это высушенные листья сумаха и внутренняя кора ивы или кизила.

* * *

Ландро в настоящее время занимался тем, что делал каждые пару недель. Он помогал матери Эммалайн. Прежде чем стать тещей, та была его любимой учительницей. По сути, она спасла его, как всегда спасала людей. Она не числилась в списке его клиентов, но он все равно ей помогал. Он ездил в ее квартиру в Доме старейшин, просторном кирпичном здании в форме птицы-громовержца²⁰, очертания которой можно было увидеть, глядя вниз с самолета. Мать Эммалайн жила в хвосте. Никто не называл ее бабушка, кукум или тетенька. Ее имя было Лароуз, но никто к ней так не обращался. Ее называли так, как заведено в школе – миссис Пис.

Многие поколения учеников любили ее как учителя и не знали за ней ни единого греха, но миссис Пис утверждала, что совсем не безгрешна. Старушка любила рассказывать, что у нее было бурное прошлое, хотя она в конечном итоге и осталась верна Билли Пису, отцу Эммалайн. Обычно она благоговейно говорила, что пыталась броситься в его могилу. Вообще-то его кремировали, но об этом уже никто не помнил. Билли Пис был также отцом Нолы. Никто толком не знал, на скольких женщинах был женат Билли или что происходило в его культовой хижине много десятилетий назад. Дети Билли, а теперь уже и внуки, продолжали время от времени появляться в здешних местах, и, как правило, их имена вносили в списки племени.

Некогда миссис Пис была красивой женщиной с каштановыми волосами, длинными и шелковистыми, и с грустными глазами. Теперь волосы у нее поседел, но по-прежнему оставались длинными и шелковистыми. Она все еще была красива и выглядела счастливой. Она не подстригала и не завивала волосы, как большинство подруг, но заплетала их в тонкую косу, а иногда убирала в пучок. Каждый день она надевала новую пару серег из бисера. Она делала их эскизы сама – сегодня, например, на ней были небесно-голубые с оранжевыми серединками. Она занялась этим хобби, как и курением сигарилл²¹, после того как вышла на пенсию и вернулась в резервацию. Сейчас она курила редко. По ее словам, именно бисероплетение помогло ей завязать. Увеличительное стекло на подставке всегда находилось на столе, потому что зрение у хозяйки было плохое. Когда она глядела на Ландро, толстые стекла очков придавали ей растерянно-потусторонний вид, служивший дополнением к необычной ауре их обладательницы.

Ландро вошел, когда она ему кивнула. Они обнялись и молча замерли, а затем отступили на шаг назад. Миссис Пис протянула к нему руки ладонями вверх.

У двери он разулся. Она принялась кипятить воду для чая. Ландро достал стетоскоп и тонометр, но она велела их убрать. Она чувствовала себя прекрасно. В Доме старейшин имелась машина для чистки ковров, и половина ее квартиры, покрытая пепельно-серым ковром, требовала ухода со стороны Ландро. На данный момент он оставил ковромоечную машину, в которую была вставлена емкость с жидким мылом, возле входной двери. Несмотря на все еще случающиеся редкие приступы, загадочные боли Лароуз почти исчезли после смерти Билли Писа. Невралгия, мигрень всего тела, остеопороз, проблемы позвоночника, системная красная волчанка, радикулит, рак кости, синдром фантомной конечности – хотя все ее конечности были на месте – эти диагнозы ставились и отменялись. Ее медицинская карта была толщиной в фут. Она знала, конечно, почему боли покинули ее и редко возвращались. Билли был жесток, себялюбив и умен. Его любовь мало чем отличалась от ненависти. Это была тяжелая ноша. Иногда его насмешки все-таки проникали к ней из мира духов. Люди думали, что она осталась верна памяти Билли Писа, ибо обожала его. Она позволяла им говорить что угодно. На самом деле он научил ее всему, что можно узнать о мужчинах. Она не нуждалась в новых уроках.

²⁰ Птица-громовержец – по поверьям американских индейцев – сверхъестественное существо, которое вызывает грозу.

²¹ Сигариллы – курительные трубочки, свернутые из табачного листа и начиненные резаным табаком, выглядящие как тонкие сигары.

Ландро, который, будучи мужчиной, верил в трагическую историю влюбленной учительницы, проявлял к ней заботу, будучи убежден, что она мужественно смотрит в лицо всему, что творится в мире. Однако сегодня он с тревогой увидел, что ее взгляд погас, стал пустым, и она явно хотела поудобней устроиться в своем откидывающемся кресле. Возможно, у нее начался очередной приступ из-за того, что он сделал.

– Не беспокойся обо мне, – сказала она. – Это займет немало времени, да? Ты хороший мальчик, и я благодарна, что ты пришел помочь мне в такой момент.

– Я не могу просто сидеть, ничего не делая, – возразил он и попытался уговорить ее на одну или две дозы опиата.

– Это делает меня невменяемой.

Она взглянула на него через толстые, как бутылочное стекло, линзы. Глаза были полны слез.

– Вы, наверное, с нетерпением ждете, когда я закончу с вашими коврами? – спросил он, и его собственные слова показались ему не то смешными, не то жалкими. Но она не обратила внимания на то, что он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Ты даже не представляешь, какое наслаждение я от этого получаю, – ответила она. – Начинай.

Он выпил чай и принес машину для чистки ковров.

Ландро передвинул с ковра откидывающееся кресло, этажерку и телевизор со столиком, на котором тот стоял. Он залил воду в бак, развел в ней жидкое мыло и приступил к чистке. Машина издавала мурлыкающие, клопочущие звуки. Он двигал ее взад и вперед. Урчание было низким и завораживающим. Неудивительно, что миссис Пис прикрыла веки, и на ее лице появилась блаженная улыбка. Когда он закончил, она открыла глаза и встала, чтобы деловито пройти вдоль краев еще мокрого ковра. Он поставил ковромоечную машину подальше и сел, чтобы съесть кусок кофейного торта с джемом из коринки, которым она его угостила. Затем она ответила на телефонный звонок и сказала, что ей надо помочь Элке закапать глазные капли. Она вышла, и в коридоре раздались удаляющиеся звуки шагов ее обутых в шлепанцы ног.

Когда дверь закрылась, Ландро пошел в ванную. Он проверил аптечку, как делал всегда, желая убедиться, что запас лекарств достаточен, а срок их годности не истек. Две баночки были пусты, и Ландро поставил их на стол. Когда Лароуз вернулась, он сказал, что зайдет в аптеку больницы и возьмет новые.

– Прежде чем уйдешь, – сказала она, – посмотри-ка сюда.

Лароуз открыла шкаф. Там лежали аттестаты, ломкие от времени школьные ведомости, вырезки со стихами, стопки старых писем, восходящие ко временам первой в их роду женщины по имени Лароуз. За них Эммалайн называла мать «историческим обществом». Миссис Пис взяла с нижней полки большую черную выдавшую виды жестяную коробку. На ее крышке были нарисованы три увядшие розы. Знакомые дарили ей вещи с розами из-за ее имени, и, наверное, то же самое происходило с ее матерью, потому что коробка была очень старой. Миссис Пис держала в ней бумаги нестандартного размера – афоризмы, газеты, фотографии, истории собак, свои собственные сочинения. Ее почерк, завитки ее имени, наполняли Ландро воспоминаниями о той поре, когда Эммалайн была совсем юной.

– На что именно я должен смотреть?

Она протянула ему листок – экземпляр стихотворения «Непокоренный»²². Его заучивали наизусть многие поколения ее учеников.

– Сохрани.

– Я до сих пор его помню. Это просто жестокая сила обстоятельств, вот и все, – ответил он.

²² Invictus, или «Непокоренный» – стихотворение английского поэта Уильяма Эрнста Хенли (1849–1903).

– Очень жестокая, – подтвердила она и дала ему еще один листок.

Он посмотрел на лист бумаги, вырванный из тетради для школьных прописей. Он помнил такие. На их обложке красовался индейский вождь. Листок был весь исчеркан рукой Ландро, он узнавал свой почерк, но не мог вспомнить, когда это написал и зачем. «Я не буду убегать», – обещал он снова и снова.

– Я заставила тебя написать эти слова на десяти страницах, но сохранила лишь эту, – пояснила Лароуз.

Она положила тонкую маленькую руку ему на плечо. От ее пальцев мгновенно распространилось тепло.

– Я не убегу, – сказал он.

Они сидели вместе на диване, держась за руки.

Прежде чем уйти, Ландро дал миссис Пис две пластиковые баночки, набрал телефон аптеки, и она прочла фармацевту их номера. Потом передала баночки Ландро, чтобы тот поставил их обратно в аптечку. Она знала, что зять от чистого сердца помогает с лекарствами. Остальные флаконы он оставил на прежних местах. В отличие от многих своих друзей, она вела тщательный счет таблеткам. Но старики бывают такими невнимательными.

Пикап был нужен Ландро, чтобы возить тюки сена и шести для типи²³. Он также годился для езды по бездорожью и просто для того, чтобы чувствовать себя мужчиной. Но он заставил Эммалайн ездить на пикапе на работу, потому что так было безопаснее, а сам садился за руль своей волшебной «короллы» – абсолютно неубиваемого, практически вечного автомобиля. Они унаследовали «короллу» от матери Эммалайн, когда та переехала в дом престарелых. Если не считать полагающегося техобслуживания, которое Ландро мог делать сам, автомобиль ни разу не нуждался в ремонте. По сравнению с другими машинами, которыми он владел в разные периоды жизни, этот автомобиль казался нереально надежным. Он был тускло-серого цвета, сиденья протерлись, обивка пребывала в плачевном состоянии. Ландро не смог отодвинуть водительское сиденье назад достаточно далеко, чтобы как следует втиснуть свои длинные ноги, но он любил водить это чудо. Особенно ему нравилось гонять по первому снегу после того, как он ставил зимние шины. Ему нравилось с рычанием проноситься по проселочным дорогам, навещая пациентов.

Один из них, Отти Плюм, потерявший ногу из-за диабета, жил со своей женой Бапистой в нескольких милях от города, на сказочно красивом берегу озера. Бап не хотела помещать мужа в реабилитационный центр, поэтому Ландро приезжал, чтобы позаниматься с ним лечебной физкультурой, помочь принять душ, сходить в туалет, подсчитать таблетки, сделать уколы, покормить, удалить волосы в носу и в ушах, подстричь ногти, сделать массаж и обменяться местными сплетнями. Он также возил Отти на диализ и оставался с ним во время этой процедуры.

Бап открыла дверь, когда Ландро постучал.

– Я не знала, что ты приедешь.

– Жизнь не остановится даже после того, что я сделал, – отозвался Ландро, и то, что он сам завел речь о случившемся, успокоило Бап.

Она обернулась и крикнула в другую комнату:

– Он явился, Отти!

²³ Типи – повсеместно принятое название для традиционного переносного жилища кочевых индейцев Великих равнин. Этот тип жилища использовался также оседлыми племенами окраин степи в период охоты. В позднее время его часто применяли и в лесных регионах. Часто типи называют вигвамом.

После этого хозяйка осталась стоять рядом, хотя обычно уходила хлопотать по своим делам, пока Ландро занимался Отти. Ландро понял, что они обсуждали его и что Бап наблюдала за ним, желая потом рассказать своим родственникам, как Ландро себя вел. Как произошедшее отразилось на нем. Эммалайн говорила, что ему будет непросто вернуться к прежней работе. О нем будут судачить до конца его дней. Он будет жить с этим. И ничего не сможет поделать. «Этого не изменит даже Лароуз», – заявила она.

Но Ландро знал, что это не совсем правда. Лароуз уже изменил его историю.

– О, я рад, что ты здесь, – признался Отти.

Его круглое бронзовое лицо херувима, на котором лежала печать перенесенных страданий, оживилось. Некогда мощный борец, Отти еще не совсем размяк. Но многие фунты его прежних мускулов теперь превратились в подобие тюленьего жира. Большинство его родственников уже умерли от осложнений сахарного диабета.

– Я только что указал Бап, что жизнь не остановилась.

– Жизнь не остановилась, пока она продолжается, – заметил Отти. – Я тут на днях чуть было не распрощался с собственной. Упал с чертовой табуретки.

– Господи, Отти, – всплеснула руками Бап.

– Давайте займемся делом, – предложил Ландро и покатил кресло Отти по короткому коридорчику.

Племя оборудовало ванную комнату всеми приспособлениями, полагающимися инвалиду, и у Отти было специальное кресло для того, чтобы принимать душ. После того как Ландро помог Отти на него сесть, он потер своему подопечному спину и окатил его из ручного душа. Дверь скрипнула. В образовавшуюся щель просунулась рука Бап со стопкой чистого белья. Когда они появились на кухне, их ждали приготовленные на яичном порошке блинчики с черникой и поддельным кленовым сиропом. Ландро почувствовал знакомый химический привкус яичного порошка и аспартама²⁴, прикидывающегося кленом. Это было хорошо.

– Ну так как же идут дела? – осведомилась Бап, отодвигаясь от стола.

Она была небольшой, дородной женщиной, которая до сих пор любила рассказывать, как чертовски ревновала мужа к другим женщинам. Их приходилось буквально отгонять от ее дорогого Отти. Ради него она постоянно носила макияж. Тени разного цвета на каждый день недели. Например, фиолетовые во вторник. Она перехватила волосы на затылке резинкой, а ее челка нависала на лоб, почти закрывая выщипанные нитевидные брови. Ее ногти были покрыты невинным розовым лаком. Один палец она поднесла к губам.

– Может, я не должна ничего говорить. Держать рот на замке?

– Нет, – ответил Ландро. Эммалайн была ее двоюродной сестрой. – Мы одна семья.

– Эммалайн сильная женщина, – вздохнула Бап.

– Очень сильная, – согласился Ландро. Его голова начала гудеть. – Я хочу создать фонд, понимаете? Когда раны начнут заживать и наши семьи выйдут из кризиса.

Бап и Отти кивнули опасливо, как будто их могли попросить внести вклад.

– Каждый создает сейчас фонд, – заметила Бап.

– Я понимаю, – сказал Отти, – что время сейчас печальное. Но когда я уйду, то хочу, чтобы мой фонд стал фондом высоких каблук для женщин из резервации. Мне очень нравится, когда Бап наряжается для меня и занимается своими делами. Хотелось бы посмотреть на пташек, которые бы так же цокали каблучками при ходьбе. От этого я схожу с ума, черт меня побери.

Бап взяла руку Отти:

– Тебе не нужен никакой фонд, моя куколка. Ты не умрешь.

– Разве только частично, – ответил Отти.

²⁴ Аспартам – подсластитель, заменитель сахара, пищевая добавка E951.

– Ненавижу диабет, – произнес Ландро.

– Мы должны подготовить Отти к должности председателя фонда, – сказал Бап. – Проверьте-ка его сахар.

– Уже сделано, – отозвался Отти.

Ландро не сказал, что измерил уровень сахара у Отти, когда почувствовал запах блинчиков, по опыту зная: углеводы все равно проникнут в его кровь, сколько бы искусственного подсластителя Бап ни использовала, оберегая мужа. Ландро иногда думал, не начнет ли Отти когда-нибудь галлюцинировать от аспартама. От этого дерьма всего можно ожидать. Они с Отти уже сидели в машине, а сложенная коляска лежала в багажнике, когда Ландро понял, что умудрился сбежать, так и не ответив на вопрос Бап о том, как идут его дела. Отти изменил ход разговора, заведя речь о своем посмертном фонде для обладательниц высоких каблук.

– Спасибо, – сказал он, повернувшись к Отти.

– За что?

– Я не знал, что ответить Бап на ее вопрос, как у нас дела. Мы с женой как раз на той стадии, когда просыпаемся, вспоминаем и хотим снова уснуть.

– Думаю, ты больше никогда не станешь охотиться.

– Сжег ружье. Ну ту часть, которая сгорела.

– От этого никому не станет лучше, – вздохнул Отти. – Где ты теперь добудешь столько протеина, чтобы твои дети росли большими и сильными?

– Будем ставить силки, – ответил Ландро. – Жарить мелкую дичь.

– Почти как моя диета, – хмыкнул Отти. – Могу подкинуть еще таблетки, какие захочешь.

Ландро не ответил.

– Но я буду скучать по твоей оленине, – продолжил Отти. – Думаю, тебе непросто будет от нее отказаться. Если к ней привыкнешь, то уже никуда не денешься.

– Бывает и так, – заметил Ландро. – Может, позже раздобуду для тебя где-нибудь. Но лично я в ней не нуждаюсь.

Увы, это было не так.

* * *

В баре на заправочной станции Уайти продавались куриные крылышки, желудочки и ножки, жаренные во фритюре, пицца и горячие турноверы²⁵. Ромео Пуйят увидел, как Ландро подъехал к заправке и припарковался за ней, у зарослей бурьяна. Ромео был тощий человек с близко посаженными, пронзительными глазами, который ходил, сгорбившись и подволакивая ногу. Правую руку он всегда близко прижимал к телу – она была сломана во многих местах, и в ней сидело несколько скреплявших кости штифтов. Его правая нога находилась в не лучшем состоянии. Но, несмотря на это, он мог ходить довольно быстро. Думая, что Ландро останется в баре перекусить, Ромео схватил шланг и ярко-красную пластиковую канистру. Он бойко проковылял к машине Ландро и установил свое нехитрое оборудование. Ромео давно набил руку на такого рода проделках, так что бензин скоро потек через резиновую трубку из бензобака Ландро в канистру.

Ландро вышел из магазина, неся в руке небольшую картонную коробку. Его глаза сузились, когда он увидел Ромео. Причины ненавидеть друг друга появились в жестокие времена их детства. Они оба перестали общаться еще в школе-интернате. Однажды ночью Ромео даже пытался убить спящего Ландро. В ту пору им едва перевалило за двадцать. Так случилось, что у Ландро было при себе много денег. Поскольку именно они послужили главной причиной,

²⁵ Турновер – кондитерское выпечное изделие из слоеного теста с разнообразными начинками, сладкими и солеными.

Ромео было обидно, что Ландро перестал доверять ему после того инцидента. Правда, нужно сказать, с тех пор Ромео больше не покушался на жизнь своего бывшего однокашника.

Ромео выдвигал не совсем правдоподобную версию, будто Ландро похитил у него первую любовь, Эммалайн, которая, похоже, на самом деле никогда не любила Ромео. Тот нехотя согласился на то, что Ландро и Эммалайн без колебаний приютили его сына Холлиса, в свое время ставшего большим сюрпризом для отца. Ромео говорил себе, что этот поступок принес им большую выгоду, потому что Холлис был первосортным мальчуганом. И все-таки он вынужден был признать, что они не поскупились на его содержание. Но теперь главная его претензия состояла в том, что Ландро не хотел с ним делиться. Как человек, занимающийся личным уходом, Ландро, конечно, был хорошо известен в больнице и, несомненно, имел доступ к обезболивающим. Почему бы ему не услужить старому другу? Облегчить его страдания? Да, у Ромео имелся и собственный рецепт, но на слабый обезболивающий препарат, который ему порой приходилось продавать, чтобы купить что-нибудь получше.

Ландро прошел к своему автомобилю.

– Ну и ну, – произнес Ромео, смотря вниз на бензин, текущий по трубке. – Давно не виделись.

Ландро не слишком обрадовался, глядя, как старый одноклассник ворует его бензин. Впрочем, он давно решил: любой ущерб, который причинит ему Ромео или кто-то еще, объясняется исключительно его невезучестью. Поэтому он не стал устраивать однокласснику разнос, а только сказал:

– Мне надо ехать. Мои сырные палочки остывают.

– Сырные палочки, – скривился Ромео, и на его лице появилось брезгливое выражение.

– Для детей, – пояснил Ландро.

– Ух ты, – удивился Ромео, как будто услышал что-то мудрое и удивительное. Он отпрянул, нахмурился и спокойно убрал трубку. – Хочешь мне что-то сказать, старина?

Ромео похлопал трубкой по машине Ландро, потом заткнул красную пластиковую канистру, завинтил пробку бака и захлопнул его крышку.

– Нет, – отрезал Ландро.

– Что ж, я свою работу закончил, – сказал Ромео.

Забрав канистру, он весело и вызывающе салютовал и вышел на дорожку, ведущую к его собственной машине с пустым бензобаком.

– Передавай привет Эммалайн, – крикнул он через плечо.

Ландро бросил на него острый косой взгляд и поставил коробку с сырными палочками на крышу своего автомобиля. Когда он в сел в машину, отданный Ромео салют пробудил в нем множество воспоминаний, главное из которых было связано с ножом Ромео, ударившим в предплечье, а затем в бицепс, оставив заметный шрам. Просто удивительно, что во сне Ландро перевернулся на бок и потянулся рукой, чтобы почесать нос, в тот самый момент, когда Ромео нанес удар. Углубившись в мысли, Ландро забыл коробку на крыше машины и поехал мимо Ромео, который как раз заправлял свой бак краденым бензином. Когда Ландро резко свернул, сырные палочки слетели с крыши под таким углом, что соскользнули на капот автомобиля Ромео. Когда его бак уже не был пуст, Ромео потянулся к коробке и достал сырную палочку. Он откусил только один кусочек – палочки остыли и стали резиновыми на вкус. Ромео подъехал к бару и пожаловался.

– Я вам их подогрею, – сказала девушка за прилавком.

– Лучше верните за них деньги, – попросил Ромео.

* * *

После первых недель Лароуз старался не плакать, по крайней мере, в присутствии Нолы. Мэгги снова выложила ему факты, поясняющие, почему он теперь живет с ними. Его родители ему уже объясняли, но он по-прежнему не понимал. Он должен был слышать все снова и снова.

– Ты даже не знаешь, что такое умереть, – сказала Мэгги.

– Это когда не шевелишься, – догадался Лароуз.

– Это когда не дышишь, – пояснила Мэгги.

– Дышать – это тоже означает шевелиться!

– Послушай, давай выйдем на улицу, – предложила Мэгги, – и я убью какое-нибудь животное, чтобы тебе показать.

– И кого ты убьешь?

Они выглянули в окно.

– Вон того пса, – решила Мэгги и указала на него пальцем.

Тот лежал на краю двора, греясь на солнце. Это был тот самый пес, которого подкармливала семья Лароуза. Мальчик не сказал, что узнал его, и только пробормотал:

– Ты, наверное, злая. Никто не убивает собак просто так.

– Твой папа убил моего брата просто так, – возразила Мэгги.

– Случайно.

– Какая разница, – фыркнула Мэгги.

У Лароуза на глаза навернулись слезы, а потом они показались и у Мэгги. Его несчастный вид подействовал и на девочку. Дасти приходил к ней во сне и показывал плюшевую собаку, которая выглядела, как она сейчас поняла, в точности как тот рыжий пес. Она обернулась, чтобы еще раз поглядеть на пса, но тот исчез. Потом Мэгги пришлось на ум, что она может попросить кое-что у Лароуза. Он мог ей помочь.

– Ладно, маленький придурок.

– Не называй меня так.

– Я не буду называть тебя придурком, если ты сделаешь так, чтобы мама перестала быть злой, как сейчас, и стала доброй. Ты сможешь? Думаю, о тебе могли бы снять телепередачу.

– Что мне надо сделать?

– Чтобы она стала доброй?

Мэгги посоветовала спросить, не хочет ли ее мама, чтобы он размял ей ступни, но Лароуз смутился.

– Делай все, что она говорит, – наставляла Мэгги. – Ешь торты. И не забывай про объятия.

Лароуз стал ждать, когда Нола попросит его что-нибудь делать. Позже, в тот же день, Нола сказала, что Лароуз должен звать ее, Нолу, матерью.

– Хорошо, мама.

– А обнять меня?

Он и это сделал.

Нола пригладила малышу волосы и посмотрела ему в глаза. Она расплылась в улыбке и залилась румянцем. Казалось, женщина вот-вот расхохочется.

– Какая твоя любимая еда? – спросила она.

– Торт?

Она пообещала, что наделает уйму тортов. Когда Лароуз обвил ее шею руками, то почувствовал ее кости под кожей.

– Ты костлявая, – заявил он Ноле.

– Можешь нащупать мой скелет, – предложила Нола.

– А ты не та леди, которая приходит на Хэллоуин? – спросил он осторожно.

– Нет, – возразила она. – Я не такая. Вот моя мать, та была ведьмой. Но я не хочу быть на нее похожей.

Лароуз положил голову ей на грудь, желая убедиться, что ее сердце бьется. Висок мальчика уперся в ее острые ключицы.

Костлявая, подумал он. Она костлявая. Он слышал, как отец дразнил мать: «Ты становишься костлявой, кожа да кости!» И он слышал, как бабушка говорила его сестре Сноу: «Ты же не хочешь стать костлявой, как твоя мать».

Он попал в мир костлявых женщин. Даже Мэгги была костлявой с ее долговязыми нескладными ногами. Однако он этого не сказал. Лароуз также не сказал, что Мэгги называла мать злой. Что-то его остановило. Он не знал, почему перестал говорить все, что у него на уме. Похоже, у него во рту появилось маленькое ситечко, которое пропускало только приятные слова.

* * *

Лароуз увидел свою настоящую мать в продуктовом магазине. Он побежал к Эммалайн, и они крепко обнялись. Случайным свидетелем этой сцены оказался Ромео. Он стоял у сияющей мясной витрины, покачиваясь, прижимая корзину к груди. На его лице появилось выражение, совсем не вязавшееся с репутацией опасного отморозка, которой, по его мнению, он теперь пользовался. Ромео мысленно одернул себя, прищурился и притворился, будто рассматривает дешевые гамбургеры.

Хорошо, что Лароуз был с Питером, который не вмешивался. На какое-то время Эммалайн прильнула к своему ребенку, вдыхая аромат его волос. Она посмотрела на Питера, и когда он кивнул, позволила Лароузу повиснуть на своей тележке, чтобы на ней прокатиться. Потом мать пошла с ним по магазину, разговаривая. Она словно вошла в зал с сердцем мертвым, а потом очнулась в нем с сердцем живым. Но она не могла заниматься покупками вечно. Питер помог ей отнести продукты, а затем она подвела сына к машине Равичей. Лароуз залез в нее без плача, забрался на заднее сиденье и сам пристегнулся. Его бессловесное мужество поразило ее. Когда они уезжали, он помахал Эммалайн на прощанье. Сын будто уплывал от нее на утлом плоту из каких-то щепок. Или это был сон? Каждое утро перед пробуждением ей снился тот самый разваливающийся плот. И каждый день по много раз она спрашивала себя, что же они натворили.

Повидав Лароуза, Эммалайн уже не могла пойти домой. Она думала, что, может быть, навестит мать, но выяснилось, что ее увезли в церковь. Эммалайн подумала, что та, верно, хочет помолиться о мире в душах людей. Ноги сами принесли ее к церкви. Она думала, что сможет найти там отца Трэвиса, но его не было ни в одном из помещений церкви, ни в приходском доме – простой квадратной постройке. Ей стало неловко за то, что она выслеживает священника. Потом Эммалайн увидела его на расстоянии. Он работал на мини-экскаваторе у озера, прокладывая пешеходную дорожку. На его голове был вязаный колпак, конец которого свисал священнику на затылок. Уши смешно торчали из-под этой шапочки, из-за которой он должен был бы выглядеть нелепо. Но отца Трэвиса было трудно заставить выглядеть глупо. У него была выдубленная ветром кожа, слегка веснушчатая – особенность классических рыжеватых блондинов с чувствительным к солнцу лицом. Впечатление дополняли плоские, почти брутальные скулы и точеный подбородок кинозвезды. Впрочем, как только его внешность начала раздражать окружающих, он повзрослел, и ее стало легче выносить. Кроме того, на горле у него пылали шрамы. Глаза отца Трэвиса могли быть теплыми, если он улыбался, и вокруг них приятными лучиками расходились морщинки. Но они могли быть и мрачными, бесцветными, возможно, даже опасными, хотя, конечно, он перестал служить земным солдатом.

Завидев Эммалайн, он остановил экскаватор и вылез из кабины. Она привыкла видеть отца Трэвиса в рясе, которую он носил большую часть времени, потому что чувствовал себя в ней удобно. Он мог надевать ее даже поверх футболки и рабочих брюк. Старикам нравилось видеть его в таком облачении, а после «Матрицы»²⁶ это понравилось и молодым. Но сейчас на нем были старые джинсы, клетчатая фланелевая рубашка и коричневая парусиновая куртка.

Эммалайн удивленно улыбнулась ему.

Священник огляделся по сторонам, проверяя, не видит ли их кто-нибудь. Именно то, что он не забыл это проконтролировать, подумал он позже, и выдало его с головой. В течение многих дней его сердце и мысли существовали отдельно, пока он не обратил внимания, как посмотрел через плечо Эммалайн, чтобы убедиться, что никто не видит.

Они засунули руки в карманы и пошли по оздоровительной тропе²⁷, которую он прокладывал в лесу. Они миновали пару снарядов, прежде чем она смогла что-нибудь сказать.

– Я не хотела отдавать им Лароуза, – пожаловалась она.

– Тогда почему вы это сделали?

День был ясный, и солнечные блики играли на зеленой воде озера – цветом оно напоминало глаза Эммалайн.

– Казалось, это был единственный выход, – объяснила она. – В конце концов, она же моя сестра. Я думала, нам позволят видеться, вместе проводить время. Но этого не случилось. Поэтому я хочу, чтобы он вернулся. Я только что его видела. Он может подумать, что я его не люблю.

Отец Трэвис по-прежнему удивлялся их поступку. Он вспоминал об их визите, состоявшемся вскоре после того, как Ландро освободили, – они тогда явно хотели сказать ему что-то. Он слышал об усыновлениях подобного рода в былые времена, когда болезни или убийства выкашивали некоторые семьи, обходя стороной другие. Это была старая форма восстановления справедливости. Эта история казалась ему необычной, а такие истории ему нравились. Одна из них сделала его священником, а то, что он до сих пор им оставался, тоже являлось своего рода историей. По вечерам, между просмотром боевиков, отец Трэвис любил разбираться в Новом Завете.

Мария отдала своего ребенка миру, едва не произнес он вслух, глядя на Эммалайн, одетую в голубую парку²⁸, на капюшоне которой отсутствовала опушка, и потому он венчал ее голову так, что священнику вспомнились изображения Пресвятой Девы. Ее волосы, расчесанные на прямой пробор, струились под тканью, подобно двум гладким крыльям.

– Вы пытались сделать доброе дело, – проговорил отец Трэвис. – Лароуз поймет это. Он вернется к вам.

Эммалайн внимательно посмотрела на него.

– Вы уверены?

– Уверен, – отозвался он, а потом не сумел с собой справиться. – *Ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не сможет разлучить вас*²⁹.

Эммалайн посмотрела на него, будто он сошел с ума.

– Это цитата из Библии.

²⁶ Имеется в виду фильм «Матрица», снятый Эндрю и Лоуренсом Вачовски и вышедший в 1999 г., главный герой которого, Нео, носит подрясник (отличается от рясы более узкими рукавами). Фильм положил начало кинотрилогии, а также комиксам и компьютерным играм.

²⁷ Оздоровительная тропа – представляет собой кольцевой курс, на котором примерно через каждые 200 метров находятся простые и надежные спортивные снаряды. Идея возникла в Швейцарии, где подобные маршруты известны под названием «витапаркур». Приблизительно на трех-четырёхкилометровой тропе находятся около 15–20 снарядов, как, например, штанги для подтягивания или пеньки для прыжков через «козла», часто вместе с табличкой с пояснением к упражнению.

²⁸ Парка – куртка с капюшоном из шкуры животного, подобная той, какую носят эскимосы.

²⁹ Цитата из Послания апостола Павла к римлянам, 8:38–39.

Он посмотрел под ноги, на дорожку. Цитировать «Послание к римлянам», как напыщенный осел...

– Лароуз – ребенок, – сказала она, и ее голодные глаза затуманились. – Дети забывают тебя, если ты не находишься с ними каждый день.

Никто тебя не сможет забыть, подумал отец Трэвис. Бездумно высказанная мысль расстроила его, и он заставил себя постараться говорить разумно.

– Послушайте, вы можете получить Лароуза в любое время. Просто скажите, что хотите его вернуть. Питер и Нола должны послушать. А если нет, можно пойти в социальную службу. Ребенок должен быть с матерью.

– Социальная служба, – протянула она. – Гм. Вы когда-нибудь слышали о законе «омерты»³⁰?

Отец Трэвис неожиданно рассмеялся.

– А кроме того, я и есть социальная служба. Кризисная школа – это она и есть. Выходит, мне придется пойти к самой себе.

– Что в этом плохого? – спросил отец Трэвис.

Когда он это произнес, она покачала головой и отвела глаза.

– Вы хотите сказать, я не ожидала последствий? Не знала, как это будет сложно? Думаете, я не могу понять, почему мне невмоготу, когда за тем, что мы сделали, стоят история, традиции и все остальное?

Она коснулась лица, как будто желая с него что-то стереть.

– Да, я была в разладе с собой. А кроме того, есть Нола. Она, кажется, все время злится на Мэгги. Что, если она станет обходиться с Лароузом так же?

Отец Трэвис молчал. Из исповедей он знал о вспыльчивости Нолы.

Когда они шли обратно к машине Эммалайн, какое-то необычное чувство помешало ему произнести дежурную сентенцию, чтобы завершить разговор. Он ничего не стал говорить, боясь нарушить ту откровенность, с которой она с ним общалась. Эммалайн села в машину. Затем она откинула капюшон, опустила стекло и посмотрела прямо в лицо священнику. Тоска матери по сыну была настолько очевидной, что отец Трэвис ощутил в душе ее отголосок. Он закрыл глаза.

Когда он это сделал, Эммалайн увидела в нем обыкновенного человека с обветренным лицом и потрескавшимися губами.

Она отвела взгляд и завела машину. Ее трагические мысли улетучились, едва она отъехала, и Эммалайн вспомнила, как смеялась до слез, когда Джозетт и Сноу обсуждали отца Трэвиса.

– Его выдают глаза, – сказала одна из них. – Это глаза сексуальной игрушки-робота.

Джозетт и Сноу были помешаны на таких киногероях, как роботы и киборги. У них в комнате стоял древний видеоманитофон фирмы «Радиошек»³¹, подключенный к телевизору той же марки. Они покупали старые фильмы, как правило, на распродажах и на лотках со скидочными товарами. Их коллекция включала «Западный мир»³², «Робокоп» и «Черная дыра»³³. Им пришлось долго рыться в ящиках с уцененной видеопродукцией, прежде чем они откопали своего фаворита – фильм «Бегущий по лезвию бритвы». Они без конца рисовали роботов

³⁰ Омерта – «кодекс чести» у мафии: круговая порука, несотрудничество с государством.

³¹ «Радиошек» («RadioShack») – американская компания, сеть розничных магазинов по продаже электроники, расположенных в Северной Америке, Европе, Южной Америке и Африке.

³² «Западный мир» – американский научно-фантастический фильм, снятый писателем Майклом Крайтоном по собственному сценарию. Премьера фильма состоялась в 1973 г., и это была первая художественная полнометражная лента, в которой использовались изображения, сгенерированные при помощи компьютера. По этому фильму был снят одноименный фантастический сериал, премьера которого состоялась в 2016 г.

³³ «Черная дыра» – американский фантастический фильм 1979 года кинокомпании «Уолт Дисней продакшнз», который на момент выхода был самым дорогим ее фильмом.

и киборгов. Получались гладкие, идеальные изображения, обреченные на ощущение чего-то особенного, может быть, подобного отцу Трэвису.

– У него глаза репликанта³⁴!

– Черт возьми, отец Трэвис может оказаться Бэтти³⁵!

– *Я видел такое, чему вы, люди, не поверите*, – произнесли они хором. – *Атакующие корабли, пылающие над плечом Ориона. Я наблюдал си-лучи, мерцающие во тьме близ Врат Тангейзера*³⁶. – Они понизили голоса до дребезжащего шепота. – *Все эти мгновения затеряются во времени. Как слезы под дождем. Время умирать*³⁷.

Они опустили головы, и Эммалайн воскликнула:

– Прекратите!

Теперь она нахмурилась. Как и любой матери, ей было беспокойно видеть своих детей, играющих в смерть.

Девочки Айрон. Сноу, Джозетт. Каждую можно было назвать Железной Девой³⁸. Они были не просто сестрами, а звездами волейбольной команды своей неполной средней³⁹ школы, задушевными подругами, делившимися самыми сокровенными тайнами, и советчицами своих братьев. Они были близки с мамой и чурались отца. В бабушке они души не чаяли и могли часами вышивать с ней бисером. Сноу была высокой, чувствительной девочкой, которой было трудно сосредоточиться на учебе, а мальчиков она привлекала только как друг. Она ходила в восьмой класс. Джозетт обещала стать умницей, приходила в отчаяние из-за своего веса, но как магнитом притягивала еще неловких мальчиков, которыми интересовалась только как друзьями. Она училась в седьмом.

Ландро высадил дочерей в Хупдансе, где они собрались заняться шопингом, и поехал обратно, чтобы отвезти Отти на диализ. Девочки направились напрямик к аптеке, в которую вошли вместе с мгновенно залетевшим туда снежным вихрем. Продавщица с прилизанными рыжими крашеными волосами и очками на цепочке спросила, чем может помочь.

– Спасибо, ничем, – ответила Джозетт. – И следовать за нами, как на веревочке, тоже не обязательно. У нас есть деньги, и мы не собираемся воровать.

Женщина втянула подбородок в шею, отвернулась и пошла к кассе, сохраняя все ту же странную позу.

– Не нужно было этого говорить, – заметила Сноу.

– Возможно, я слишком привыкла обороняться, – сказала Джозетт с показным смирением.

При аптеке был сувенирный магазин, где продавали декоративные цветы и безделушки, которые совсем не нравились их матери. Но девочки их любили. Они пошли вдоль вит-

³⁴ Репликант – в научной фантастике: искусственное подобие человека.

³⁵ Бэтти – герой фильма «Бегущий по лезвию бритвы».

³⁶ Врата Тангейзера отсылают к опере Вагнера «Тангейзер», их название используется в фильме «Бегущий по лезвию бритвы» только один раз. С тех пор оно было повторно использовано в других научно-фантастических произведениях. По-видимому, герой сравнивает себя с Тангейзером, персонажем, который утратил милость людей и богов и больше не может сам влиять на свою судьбу.

³⁷ Монолог «Слезы под дождем», также известный как «Речь си-лучей», взят из фильма «Бегущий по лезвию бритвы». В окончательной форме, отступающей от сценария и являющейся импровизацией актера Рутгера Хауэра, он считается самым трогательным монологом в истории кинематографа и часто цитируется. В фильме умирающий репликант Рой Бэтти приносит его во время ливня, за несколько минут до смерти.

³⁸ «Айрон Мейден» – британская хеви-метал-группа, которая в начале 1980-х гг. являлась одной из известнейших представительниц своего направления. «Железной девой» называли орудие пыток, представляющее собой сделанный из железа шкаф, внутренняя сторона которого усажена гвоздями.

³⁹ В США в неполной средней школе дети учатся в возрасте от 11 или 12 до 14 или 15 лет.

рины, восхищаясь керамическими снежными малышами⁴⁰, блестящими пальмовыми листьями и камнями, на которых были вырезаны слова: «Мечтай. Люби. Живи».

– Почему не «Бросай»? – спросила Джозетт. – Как получилось, что у них нет камня с надписью «Бросай»?

– Кажется, тебе не хватает вдохновения, – заметила Сноу.

– Это не вдохновение, это слащавость.

– О-о-о! – Сноу лизнула палец и сделала знак в воздухе. – Слово из словаря.

Они вернулись в другую секцию. Там продавались скребки для лобового стекла и аварийные фонари, может быть, для их папы.

– В магазине бытовой техники выбор лучше, – заметила Джозетт. – Давай посмотрим духи для мамы.

– Нет, лосьон.

– Вот и купи его. А я возьму духи.

Все хорошие духи были заперты под стеклом прилавка, на котором лежали руки давешней очкастой леди.

– Черт, теперь нам придется иметь дело с ней, – с досадой проговорила Джозетт.

– А я ей не грубила, – сказала Сноу. – Так что и разговаривать мне.

Джозетт закатила глаза и надула щеки.

Сноу подошла к продавщице и улыбнулась.

– Как у вас дела? – произнесла Сноу жизнерадостным тоном. – Мы ищем по-настоящему хороший рождественский подарок для нашей матери. Наша мама особенная. – Сноу вздохнула. – Она так много работает! Что вы предложите?

Женщина оторвала осуждающий взгляд от Джозетт, согнувшейся над стеклянным прилавком, и ее руки запорхали среди сверкающих, как драгоценные камни, коробочек и флаконов, а потом остановились на пробнике духов «Жан Натэ».

– Слишком просто, – заявила Джозетт.

Сноу указала на «Йован Маск».

– Это не запах мамы. В ее запахе больше... ну не знаю... чистоты, что ли.

– Может быть, «Чарли» или «Блю Джинс»?

– Пожалуй, слишком обычные.

Они задумались, рассматривая витрину.

– Я хочу подарить что-то особенное. У меня есть заработанные деньги, – объяснила продавщице Сноу. – Может, что-нибудь от дизайнера или кинозвезды?

Женщина указала на коробочку. «Белые бриллианты». От Элизабет Тейлор⁴¹.

– Американский аромат номер один, – трепетно произнесла она.

– Кто такая Элизабет Тейлор? – спросила Джозетт.

– Да-а-а, «Клеопатра»⁴²?

Они обе вспомнили обложку кассеты в видеопрокате.

– А кроме того, она дружила с Майклом Джексоном?

– Ах да. – Джозетт понюхала спрей. – Чудно. Мне нравится.

– Духи «Энжолы» в розовой коробочке, украшенной тисненым золотым цветком.

⁴⁰ Снежный малыш – небольшая фигурка, обычно ребенка, которая изображает различные аспекты новогодних праздников или зимних видов спорта. Традиционный снежный малыш изготавливается из неглазурованного фарфора (бисквита). Он обычно одет в комбинезон, покрытый мелкими кусочками толченого фарфора, что создает видимость упавших на него снежинок.

⁴¹ Элизабет Роузмонд Тейлор (1932–2011) – англо-американская актриса, «королева Голливуда» периода его расцвета, трижды удостоенная премии «Оскар».

⁴² «Клеопатра» – фильм-драма 1963 года режиссера Джозефа Манкевича. Одна из вершин жанра и наиболее известная работа актерского дуэта Элизабет Тейлор и Ричарда Бертон.

- Но запах у мамы не такой острый. Я имею в виду, она от природы хорошо пахнет.
- Он будет плохо сочетаться с отцовским одеколоном «Олд Спайс».
- А как насчет «Дикого Мускуса»?
- Может, «Песню Ветра»...
- Ими душится бабушка.

Женщина за прилавком достала элегантную коробку, спрятанную за другими. Она была бледно-розовато-лиловой, то есть какого-то дорогого неопределенного цвета. С черновато-серой полосой. Флакон как раз умещался в ее ладони, по нему шел узор из рельефных ромбов, стекло было изящно закручено. «О Саваж». Женщина распылила немного духов на матерчатую салфетку, взмахнула тканью перед их носами. Подождала. Аромат был свежий и сухой. Слегка лакричный. Может быть, с намеком на облако. Нотки свежераспиленного дерева? Сена. Какой-то особенной травы в особенном лесу. Ничего темного, ничего страстного. И что-то еще.

– Большинство людей думают, что пахнет слишком заурядно, – сказала леди. – Эти духи не похожи на другие. Никто их не покупает. У нас есть только один флакон.

Сноу смотрела на Джозетт, широко раскрыв глаза. Джозетт снова вдохнула аромат.

– Мне бы хотелось, чтобы все пахло так, – призналась Сноу.

– Такой чистый запах, – проговорила Джозетт, опустив флакон. – Должны быть не дешевы.

– Немного дорого, да, – смутилась женщина. Ее, казалось, озадачила сумма. – Я здесь просто работаю. Это не мой магазин, – добавила она.

– Да, – пробормотала Сноу. – Дороговато. Я сэкономила. Ну да ладно.

– Они подходят и для мужчины, и для женщины. «Оу-у Саваж».

– «О Саваж», – процедила Джозетт с преувеличенным французским акцентом. – Они нам подходят.

Она повернулась к Сноу, ее глаза искрились.

– Какой запах!

– То, что надо, – отозвалась Сноу.

Глубоко в сумочке у Джозетт был спрятан старомодный старушечий кошелек. Она его вытащила. Сноу страстно обняла сестру.

Потом, прямо перед продавщицей, они расплакались. Обе понимали: это то, что нужно. Одеколон пах чистотой, как волосы Лароуза в холодный осенний день, когда брат входил в дом и Эммалайн склонялась над ним.

«Ах, как ты пахнешь, – говорила она. – Ты пахнешь, как весь огромный мир».

Покидая аптеку, Джозетт и Сноу поговорили о запахе огромного мира и решили, что обладают сверхъестественными способностями, не меньшими, чем ведьмы на шабаше.

– А может, все наши люди обладали ими до того, как пришли белые.

– Да, – согласилась Сноу. – И мы жили пятьсот лет.

– Я даже слышала, как кто-то это говорил.

– И я тоже. А еще мы могли управлять погодой.

– И в это я верю.

– Отлично, – заявила Сноу. – Займемся этим прямо сейчас.

– Твое имя не зря означает «снег». Все, что ты можешь, – это навалить его побольше.

А вот я хотела бы, чтобы меня звали Лето.

Было ветрено. Они шли к месту, где договорились встретиться с отцом. Тот обещал забрать их после того, как отвезет Отти обратно домой. Они собирались посидеть в кафе «Сабвей», может быть, заказать на двоих по большому сэндвичу из откормленной пшеницей индейки с американским сыром, листьями салата, помидорами, маринованными огурчиками

и сладким луковым соусом. Конечно, как же без этого. Они были голоднее, чем обычно, и у них хватало денег, чтобы заплатить за индейку, при условии, что пить они станут только воду.

– Это и лучше для нас, – заметила Джозетт, которая любила газировку.

– Нам же показывали на уроке здоровья, – скорбно произнесла Сноу. – Всего одна банка в день, и ты получаешь сахарный диабет.

Ландро никогда не покупал газировку, потому что не хотел, чтобы его дети остались без ног. Когда он это им объяснял, они шурились, словно от боли: «Да, папа». И пили запрещенную шипучку в домах бледнолицых. Теперь, ожидая отца, они смотрели на обертки от сэндвичей в изумлении.

– Мы съели их так быстро.

– Как это произошло? – икнула Джозетт.

– Отлично. А что теперь?

– Мы на мели, так что станем потягивать нашу целебную воду.

– И ждать папу.

Они встретились глазами. В школе никто не был особо скрытен. У всех когда-нибудь да происходило что-то ужасное. Все друг другу сочувствовали, некоторые несли полную чушь, а если ты была девочкой, тебе могли прислать открытку с соболезнованиями. Но по поводу того, что произошло в их семье, невозможно было прислать открытку. Зато одна из подруг Сноу подарила ей пару украшенных бисером серег, и та поняла, зачем. Это была попытка выразить то, что бессильны высказать слова. У нее самой не было слов, которые она могла бы сказать отцу. Впрочем, ничего говорить и не хотелось. Может, разве в машине, когда наступит молчание. Они могли бы спросить отца об Отти, или Аване, или другом его подопечном. Можно будет в общих чертах рассказать, что им задали в школе. Им следовало избегать выражения истинных чувств, потому что это могло оказаться неожиданным и завести слишком далеко. Отец мог вдруг стать слишком серьезным – как в день, когда он проводил индейский ритуал. Тот, когда вы позволяете вырваться наружу погребенным глубоко внутри вас мыслям и чувствам, делитесь ими с другими людьми, вставшими кругом, а они начинают молиться и петь, желая помочь вам. Девочки были единоклюбы, считая, что, когда дела идут как обычно, нельзя выворачивать душу наизнанку перед посторонними. Так что они, забираясь в «короллу», многозначительно переглянулись. Джозетт села на переднее сиденье, потому что хорошо умела поддерживать разговор с отцом на такие темы, как стрижки, автомобильные аккумуляторы и утепление окон их дома при помощи пищевой пленки. А если бы показалось, что отец может отклониться от подобных разговоров, она всегда могла попросить рассказать его снова, отчего не следует пить шипучку.

* * *

«Проблема 2000 года» иногда отвлекала Питера от мыслей о Дасти, о котором он думал почти всегда. Он ехал по дороге к магазину «Флит Фарм»⁴³ и ругал себя за то, что не купил цыплят прошлой весной. Он планировал превратить одну из старых построек в курятник. Даже Нола согласилась на это, хотя всегда выступала против какой-либо живности. С цыплятами как-то не сложилось, зато он присмотрел себе пса. Он встретил его в лесу и начал прикармливать. Пожалуй, это была наполовину овчарка. Пес мог охранять дом, думал Питер. И смог бы спасти Дасти, кто знает. Питер понимал, что в его рассуждениях нет никакого смысла, но все равно взял собачий корм. Он также купил семь пакетов жареной кукурузы и электродинамический фонарик. Приехав домой, он отнес покупки в подвал, где у него хранились шесть запе-

⁴³ «Флит Фарм» – розничная сеть из 37 магазинов в штатах Миннесота, Айова, Висконсин и Северная Дакота. Площадь магазинов варьируется от маленького магазина до больших универмагов.

чатанных десятигаллоновых цилиндрических коробок пшеничной муки, сухое молоко, масло, сушеная чечевица, бобы и вяленое мясо. Он купил и заполнил морозильник, который подключил к генератору. Потом приобрел резервный генератор. Еще он купил дровяную печь и каждый день после работы целый час рубил для нее дрова. Это помогало сосредоточиться. В этом он был похож на отца Трэвиса. Он и священник рубили дрова, находясь далеко друг от друга, чтобы унять сердечную боль. У Питера уже был фильтр для воды, но на всякий случай он купил еще один. В прошлом году он пробурил новую скважину и подключил ее насос к резервному генератору. Детская обувь, взятая на вырост, была куплена на два года вперед. Сушеные яблоки, груши, курага, чернослив, клюква. Запас воды в пятигаллоновых пластиковых бутылках. Дополнительные одеяла. А также оружие – шкаф для ружей с запором. Он держал ружья заряженными, потому что иначе, по его мнению, иметь их не было смысла. Дважды с крыльца ему удалось подстрелить койотов. Однажды ему достался олень. Потом он промахнулся, стреляя по пуме. Ключ был приклеен скотчем к верхней части семифутового шкафа. Питер был помешан на том, чтобы постоянно проверять, заперт ли замок. Коробки с патронами. Ракетница. Пачки с полуфабрикатами кексов, сахар, сигареты, виски, водка, ром. Питер мог бы обменивать их на вещи, которые им понадобятся, – наверняка он что-то забыл купить.

Он старался не вспоминать, какие большие проценты приходится платить по кредитной карте. Он работал сверхурочно – просто чтобы выплачивать минимум. Каждый раз, покупая по кредитной карте еще один пакет блинной муки или лопату, он говорил себе, что когда после наступления нового тысячелетия в банках начнется неразбериха из-за путаницы между 2000-ми и 1900-ми годами, его данные, скорее всего, затеряются. Кредитные компании исчезнут, и покалеченная банковская система вернется к временам золотых монет. Не останется ни телефонов, ни телевизоров, ни энергетических компаний, ни автомобилей – кроме старых рыдванов без компьютеризированных систем, – ни бензоколонок, ни авиации, ни спутников. Люди вновь станут общаться по радио. Вот уже многие годы у него имелась лицензия радиолобителя. И теперь, практически весь декабрь, он вел по ночам напряженные разговоры с такими же, как он, обеспокоенными наступлением нового тысячелетия радиолобителями, разбросанными по всему миру. Каждое утро он просыпался и добавлял еще несколько пунктов в свой список. По выходным он брал с собой Мэгги и Лароуза в писчебумажный магазин, чтобы купить новую пачку бумаги в 480 листов и коробку конвертов. А также карандаши и ручки. А еще марки. Перейдет ли мир на такую старомодную систему, как наземная почта? Возможно, отвечали его новые друзья. Кладовая была забита. Нола этого не замечала. Она была занята тем, что пекла свои проклятые торты.

Если бы мы купили цыплят, они могли бы жить несколько месяцев на зачерствевших тортах, думал Питер. Нола щедро покрывала выпечку белой глазурью. Эти торты были широкими и плоскими, во весь противень, или высокими и слоеными, или в форме круглого кекса. Все они потом украшались тщательно выведенными именами «Лароуз» или «Мэгги». Даже дети перестали их есть. Он потихоньку забирал торты и хранил их в неотапливаемом гараже. Когда в местной средней школе шел ремонт, Питер забрал ненужные вещи, которые могли пригодиться. Он с трудом удерживался от улыбки, глядя на выстроившиеся в ряд жестяные школьные шкафчики и понимая, что за каждой пронумерованной дверцей на узкой верхней полке лежит по тарту.

* * *

Родители его не хотели, но Рождество все равно пришло в обе семьи. Нола проснулась за неделю до двадцать пятого – ей показалось, что сердце налилось свинцом. Она ощущала такую тяжесть в груди, что чувствовала каждый удар сердца, которое, почему-то не останавливаясь,

слабо в ней билось, хотя его хозяйке вовсе этого не хотелось. Но близилось Рождество... Она перевернулась в постели и толкнула Питера – ей было обидно, что он вообще может спать.

– Елка, – проговорила она. – Пришло время наряжать елку.

Питер открыл глаза – светлые любимые голубые глаза, которые больше никогда не будут принадлежать другому ребенку. Мальчик походил и на отца, и на мать, взяв лучшее у каждого из них и смешав так, что они умилялись, глядя на него. Его фотографии в рамках все еще стояли на туалетном столике. Дасти все еще бегал на солнце, позировал в костюме Человека-паука, играл в детском бассейне с Мэгги, стоял рядом с ними перед прошлогодней рождественской елкой. Нола находила утешение в этих фотографиях, но теперь закрыла глаза, чтобы не видеть черт сходства между сыном и Питером. Чтобы отвлечься, она стала напевать, а потом задумалась о дочери. Мысли о Мэгги были путанными, порой отмеченными любовью, а иногда сердце буквально колотилось от ярости. Мэгги казалась ей похожей то на ее несговорчивую и неприступную бабушку-полячку, то на дикую и коварную тетку, происходившую из индейцев чиппева⁴⁴. У нее были те же раскосые золотистые глаза, темнеющие, когда она сердится. Та же легкая кривоватая усмешка.

Тихий звук голоса Нолы, напевающей себе под нос какую-то песенку, показался Питеру обнадеживающим. Он протянул руку и погладил ее пальцы. А что, если?

– Я не могу, – отказала она.

Но он все равно продолжал задавать свой вопрос, либо напрямую, либо нежными прикосновениями.

– Тогда я возьму детей, и мы пойдем за елкой.

У него имелась бензопила, причем не одна. По правде сказать, их было целых три. Но эти огромные бензопилы были слишком brutальны для небольшой елки. Ему требовалась ручная ножовка.

– А еще точнее, – добавил он, готовясь выйти из дома, – ножовка с красной ручкой. Мы будем каждый по очереди пилить нашу прекрасную елку.

Он представил себе это и удивился тому, что это возможно. Но тем не менее он и на этот раз выбрался из постели и отправился делать то, что делал в прошлом году с мальчиком, одетым в ярко-розовую куртку сестры, потому что его собственная была в стирке. Дасти был так уверен в себе. Когда Мэгги принялась над ним издеваться, называя младшей сестренкой, он принял типичную позу Гастона⁴⁵ и заставил Мэгги расхохотаться. Обычно, когда она смеялась, в ее голосе звенели маленькие колокольчики.

Теперь все изменилось, подумал Питер. Ее смех стал язвительным, лающим взрывом злых выкриков. Теперь она смеялась, когда ей было грустно, а не смешно.

* * *

В лесу, в котором было еще мало снега, Ландро издали заметил три маленьких елочки. Казалось, они смотрели на него испытующе. Он ретировался. Нечего глазеть по сторонам. Нужно проверять силки, а не выбирать елку. Но увидев их стройные силуэты, он вспомнил.

– Что ж, да, конечно, – согласилась с ним Эммалайн. – Елку нужно ставить.

– Она должна быть с белыми огоньками, – заявила Сноу.

– Нет, давайте они будут цветными, – возразила Джозетт. – Белые – это отстой.

⁴⁴ Чиппева – одно из племен индейского народа оджибве, альтернативное название оджибве в Канаде и США.

⁴⁵ Гастон – бельгийский юмористический комикс-сериал художника Андре Франкина о приключениях персонажа Гастона Лагаффа, лохматого молодого человека в зеленом свитере и черных джинсах. Впервые появился в 1957 году. Франкин перестал рисовать новые истории о Гастоне в 1991 году. «Гастон» считается одним из наиболее известных комиксов, его истории переводились на различные языки мира.

– А мне нравится единообразие, – настаивала Сноу. – Все остальное у нас в доме и так сплошное смешение стилей.

– Эй, полегче, – произнесла Эммалайн.

– Без обид, мама, но елка должна быть со сплошь белыми огнями. Должно прелестно смотреться.

– Тогда давайте поставим две елки, – предложила Эммалайн.

– Действительно? Ты серьезно?

– Маленькие.

К концу дня две небольших елки уже стояли наряженные в углу гостиной, у каждой сестры своя. Впервые Эммалайн не пришлось прилагать ни малейших усилий – сестры соревновались одна с другой. Они делали украшения из блесток, ленточек, побрякушек, какими пользуются индейские колдуны, и игровых наборов Лароуза. Потом пришел черед подарков, которые не заворачивали в оберточную бумагу: у них в семье это было не принято. Для упаковки использовались журналы, пестрые листы газет, продуктовые пакеты. Однако вскоре после того, как работы были завершены, девочки начали плакать. Кучи посмотрел на них широко раскрытыми глазами, а потом демонстративно вышел. Холлис тоже совершил стратегический маневр, удалившись в комнату мальчиков.

На следующий день Ландро уехал на работу пораньше, а Эммалайн осталась на кухне готовить тушеное рагу. А все из-за Лароуза.

Это происходило каждую неделю или около того – с тех пор, как Ландро и Эммалайн объяснили детям, куда делся их брат.

В спальне мальчиков Холлис подключил насос к надувному матрасу и вставил штепсель в розетку. В течение минуты или двух высокий пронзительный вой перекрывал все голоса. Когда матрас стал плотным и удобным, мальчик лег на спину и закрыл глаза.

Вокруг не осталось ничего, кроме тишины.

Холлис знал, что его собственный отец, Ромео, подбросил его к Эммалайн и Ландро под Рождество. Ему было пять, может, шесть лет, как Лароузу. Он уже давно спал на одной из кроватей, но матрас ему все равно нравился больше. Еще он знал, что родился в какой-то квартире, а не в роддоме. Его первые путанные воспоминания были о том, как он спал под столом, в окружении башмаков, или, что ему нравилось больше, на подстилке рядом с собакой, а одной зимой – на большой кровати вместе с другими детьми, которые и в постели не снимали куртки. Там стоял соленый запах грязного тела, дополненный кислой вонью от табака и слипшихся потных волос, такой отвратительный, что едва можно было дышать. Пахло и от взрослых, и от детей, и Холлис был рад, что это осталось в прошлом. Теперь он принимал душ каждый день. Сам стирал свою одежду. Любил запах глажки. Девочки посмеивались, но им он тоже нравился. Чистоту Холлис не воспринимал как должное, так же, как и собственную постель. Так что нет, он не лез к другим с расспросами о Лароузе. На всякий случай он просто держался в стороне. Но девочки поднимали вопрос о брате снова и снова. Он не мог не слышать их голоса.

– Значит, ты меня отдашь, если кого-нибудь убьешь, да, мама?

Это кричала Джозетт.

Сноу бросилась вперед и вlepила сестре пощечину. Та не осталась в долгу. Эммалайн уронила ложку, и обе получили по подзатыльнику – до этого момента она ни разу не шлепнула ни своего ребенка, ни тем более чужого. Все произошло очень быстро – как сцена из фильма «Три балбеса»⁴⁶, что и спасло положение. Эммалайн начала плакать, Джозетт тоже зарыдала, а потом к ним присоединилась и Сноу. Все трое обнялись.

⁴⁶ «Три балбеса» – комедийный сериал, снимавшийся с 1934 по 1958 годы.

– Я готова отрубить себе руку, – сквозь слезы проговорила Эммалайн. – Я никогда не была вас прежде.

– Каждой из нас тоже следовало бы отрубить руку, – всхлипнула Сноу.

– Тогда, поджаривая хлеб, мы должны будем делать это вместе, и каждая станет использовать свою оставшуюся руку. – Джозетт и Сноу продемонстрировали, как это у них получится.

– Какое печальное зрелище, – полуплача, полусмеясь, заметила Эммалайн.

Медленно, один за другим, они возвратились на кухню, где Эммалайн продолжала уныло помешивать рагу. Холлис успел вздремнуть. Кучи – завернуть небольшие вещицы, которые украл несколько месяцев назад у каждой из сестер, чтобы подарить им хоть что-то на Рождество. Он разместил пакетики на ветвях елки. Ландро пришел домой с двумя черными сумками с надписью «Хефти»⁴⁷, полными варежек, шапок, сапог и курток, причем все вещи были новыми. Отец Трэвис отобрал их в магазине миссии еще до того, как жертвоприношения увидел кто-нибудь другой. Холлис вышел из спальни, помог затащить сумки в дом, а потом принял участие в сортировке подарков. Он старался казаться веселым, но не мог. Подавлять в себе чувство предвкушения праздника вместо того, чтобы подбодрить окружающих, было в его крови, и это дало повод сестрам придаться к нему:

– Перестань изображать задницу, – заявили девочки Холлису. – Твоя физиономия просит кирпича. Сделай ее такой, какая полагается на Рождество, и не говори Лароузу, что Санта-Клауса не существует.

– Если ты его увидишь, – добавила Джозетт.

Сноу молча уселась на стул.

– Я найду Лароуза, – ответил Холлис. Он не хотел ввязываться, но слова сами собой сорвались с языка. – Я скажу ему, что Санта придет.

Холлис был не то чтобы красив. Например, его нос казался слишком большим. Но мальчик был по большей части грустным и задумчивым, отчего выглядел более привлекательным, чем действительно красивые дети. Его подстриженные волосы изящно лежали на лбу, может быть, слишком изящно.

Он пригладил челку ладонью, сдвинув ее вбок.

– Хватит корчить из себя очаровашку, – сказала Джозетт, когда поймала его за таким наведением красоты.

Сказанное сопровождалось поднятием брови, таким выразительным, что мальчик еще долго смотрел на сестру, когда она отвернулась.

Девочки решили вынести «О Саваж» и подарить его маме в последнюю очередь. Они не доверяли ни Холлису, ни Уилларду. Те вполне могли раздавить флакон каблуком. Сестры знали, что значит жить с мальчишками. Их братья могли наступить на все что угодно, даже на подарки. Это мог сделать даже отец. Девочек оджибве – теперь эта традиция ушла в прошлое – учили с юных лет не наступать на лежащие вещи, особенно принадлежащие мальчишкам. Подруга бабушки Игнатия Тандер, считающаяся, по законам индейцев, опекуницей Джозетт и Сноу, рассказывала им, что от этого их сила может уменьшить силу мальчишек. «Это сексизм, – сказала тогда Джозетт, – еще один способ управлять женщиной». Сноу наполовину согласилась с сестрой. Лицо Эммалайн было непроницаемым, как при игре в покер. Может, женщины из семьи Айронов и не были согласны с этим правилом на сто процентов, но все равно помнили о нем.

Девочки купили всякие забавные штуковины для братьев и отца. Впервые Джозетт и Сноу приобрели цветную бумагу, красную и прозрачную, и тщательно завернули в нее коробки.

⁴⁷ «Хефти» – фирменное наименование бытовых изделий, таких как мешки для мусора, мусорные баки, пластиковые ящики и одноразовая посуда.

Подарок для мамы они поставили на полку. От его сверкающей обертки на руки ложились красные отсветы.

– Что нам делать с подарками для Лароуза? – спросила Сноу.

Они расчистили место на большом столе, отодвинув в сторону бисер, крышки для баночек, газеты и школьные учебники, разложили рагу по тарелкам и стали есть. Джозетт хотела пойти в дом Равичей и передать подарки брату. Сноу сказала, что терпеть не может тетю Нолу, потому что она постоянно ко всему придирается. Кучи повесил голову и ел молча. Холлис взглянул на него, и его голова тоже поникла. Эммалайн наблюдала за ними, пока мальчики не повернулись к ней.

– Ты сшила Лароузу мокасины? – спросил Кучи.

Он был младшим ребенком, пока не родился Лароуз. В его голосе прозвучала паническая нотка, а в глазах блеснули слезы.

К Рождеству Эммалайн обычно шила каждому из них новые мокасины из прокопченной лосиной шкуры, украшенные обрезками шерстяных одеял, а иногда отделанные на щиколотках мехом кролика. Она делала это, когда навещала мать, или дома, смотря свою любимую телепередачу или сидя с детьми за столом, пока те не выполнят домашнюю работу. Мокасины получались очень хорошие, и она получала специальные заказы со стороны, за которые платили по две или даже три сотни долларов. Все члены семьи гордились ее работой и носили мокасины только в доме. Их надевал даже Холлис – его ногам в этой обуви, расшитой бисером, никогда не было холодно. Каждый имел целую коробку мокасин – одна пара на каждый год.

– Я их сшила, – ответила Эммалайн.

* * *

– Она сшила для Лароуза мокасины, – рассказал Ландро своему другу Рэндаллу, который содержал ритуальные парильни, преподавал историю и культуру оджибве, а также учил свежевать олени туши в средней школе племени. Рэндалл принимал участие в ритуалах, устраиваемых старейшинами, которых выискивал и изучал, с местными колдунами. В Ландро живут злые духи, говорил он. Злые духи не пугали Рэндалла, он их уважал.

– Должно быть, это из-за того, что случилось со мной, когда я был ребенком, но что именно тогда произошло, не могу вспомнить, – попробовал как-то раз объяснить Ландро.

– Обычно так все и думают, – возразил Рэндалл. – Полагают, будто убьют злого духа, если вспомнят, в чем было дело. Но все намного сложнее.

В борьбе со злыми духами и заключалась основная работа Рэндалла. Потеря близких, вывихи, болезни, наркомания и просто ощущение принадлежности к жалким остаткам народа со сложной историей. Что отличало эту историю? Какие знания? Кто такие были оджибве? Какими стали сейчас? Почему так много пошлости везде, куда только ни глянь?

Они нагрели и внесли камни, а теперь оба сидели в парильне в одних мешковатых шортах, какие носят серфингисты. Ландро опустил полог и перекрыл приток воздуха извне. Рэндалл высыпал на раскаленные камни щепотки табака, шалфея, кедра и растолченного в порошок медвежьего корня. Когда в воздухе повис резкий аромат, он выплеснул на камни четыре ковша воды, и горячий пар наполнил болью их легкие. После того как они помолились, Рэндалл открыл дверь парильни, взял вилы и принес на них еще десять камней.

– Ладно, пойдем ва-банк, – сказал он. – Обвяжись полотенцем, чтобы не осталось дыр.

Он закрыл дверь, и Ландро потерял счет ковшам, которые Рэндалл вылил на камни. Ландро почувствовал головокружение и приложил полотенце к лицу. Потом головокружение

усилилось, и он лег. Рэндалл долго взывал к духам на анишинабэмовине⁴⁸, который Ландро понимал смутно, а потом произнес:

– Гиинитам⁴⁹.

Это значило, что Ландро следует говорить. Но единственное, что Ландро придумал сказать, было:

– Моя семья ненавидит меня за то, что я отдал Лароуза.

Рэндалл поразмышлял над его словами.

– Ты поступил правильно, – заявил он наконец. – Пройдет время, и они поймут. Не забыл, что сказали старейшины? Они знают историю. Помнят, кто убил Минк, мать первого человека в роде по имени Лароуз, и что она может сделать. Потом были ее дочь, ее внучка, их потомки и, наконец, мать Эммалайн. Зло пыталось овладеть ими всеми. Они сражались со злыми духами, им удавалось перехитрить их, избавиться от их власти.

Потом Рэндалл завел речь о знахарях и колдунах. В наши дни люди называют то, чем они занимались в прошлом, магией. Но это была не магия. Конечно, сейчас такие действия находятся за гранью обыденного понимания, но магией их называть нельзя.

– Лароуз тоже может делать подобные вещи, – добавил Рэндалл. – У него это в крови. Он сильнее, чем ты думаешь. Помнишь, как старейшины о нем сказали, что он мираж?

– Конечно. Они так его и назвали «Мираж».

– Вот именно.

Люди по имени Мираж знали, как определять местонахождение животных, как покидать свое тело во время транса и навещать находящихся далеко родственников. Один торговец по имени Джордж Нельсон знал индейцев, которые могли это делать, и написал о них еще в восемнадцатом веке.

Ландро ответил сбивчиво:

– Что, если старейшины – просто компания стариков, которые не умнее любого из нас... что, если...

– Они обычные пожилые люди, – перебил его Рэндалл. – Но они люди, которые узнали многое от своих стариков, понимаешь? Однажды у нас выдался голодный год, и большинство наших стариков отдали молодым свою пищу. То поколение умерло за нас, да? Так мы идем верным курсом. Прими их слова, если они кажутся тебе правильными.

– Но, возможно, они сами не знают...

– Перестань задавать тупые вопросы. Ты свихнешься, если продолжишь так думать. Позволь-ка лучше спросить тебя кое о чем. Что это за ребенок вообще был – этот Дасти?

– Не спрашивай меня об этом.

– Он не последняя причина твоей агонии, приятель. Каким он был? Кто знал этого мальчика лучше всех в вашей семье?

Ландро помолчал, а потом наконец ответил:

– Лароуз.

– Так что же Лароуз о нем знал?

– Забавный малыш. Любил приключения. У них двоих был целый пакет игрушек, которых они превратили в героев мультфильмов. Они были веселые. Это было легко понять, если вслушаться в то, что они придумывали. Дасти...

– Да, можешь произносить его имя, но прибавляй к нему «-ибан», так ты покажешь, что он находится в мире духов.

⁴⁸ Анишинабэмовин (*оджибве*) – наиболее общее обозначение языка индейцев оджибве (дословно «говорение на родном языке»).

⁴⁹ Твой черед (*оджибве*).

– Дасти-ибан любил рисовать. И рисовал хорошо. У нас есть несколько рисунков, которые он нам подарил.

– Что на них?

– Лошадь. Собака. Человек-паук.

Ландро произнес это, всхлипывая. Рэндалл дал ему некоторое время, чтобы успокоиться.

– Хватит лить слезы. Ты можешь плакать из-за малыша. Но нечего распускать нюни из-за собственной боли. Ты вносишь дурную энергию в свою семью. И мешаешь Лароузу делать добро семье Дасти-ибана. Когда ты плачешь, я слышу, как ты жалеешь о том, что сделал, но теперь с этим покончено. Ты был пьян, когда его застрелил?

Приношения потрескивали на раскаленных камнях.

– Нет.

– Точно не был навеселе?

– Нет.

– Не торчал?

– Нет.

– Мы учим наших людей отвыкать от этого дерьма. И сами не должны его употреблять.

Вот почему я спросил.

Долгое время Рэндалл молчал.

– Ты хороший охотник. И стреляешь осторожно, – сказал Рэндалл. – Все знают, что ты знаток в этом деле и каждый год приносишь хорошую добычу. Поэтому мне нужно было спросить.

– Ладно, – отозвался Ландро.

– Просто я не полностью уверен.

– Чего там, – буркнул Ландро.

– Ты покончил с выпивкой?

– Да, – подтвердил Ландро.

– Колеса?

– И с ними тоже.

– Хорошо. Тебе нужно принять на веру, с Лароузом ты поступил правильно.

– А как насчет Эммалайн? – спросил Ландро.

– Нола – ее сестра.

– Только наполовину, – возразил Ландро.

– Сестер наполовину не бывает, – рассудил Рэндалл.

– Эммалайн не любит сестру.

– Она сама тебе сказала?

– Говорю, это так. А Нола не выносит Эммалайн. Так что нам теперь не удастся увидеть Лароуза. Думаю, мы предполагали, что нам можно будет встречаться. Ведь мальчики привыкли играть вместе, и все такое.

– Дайте им время разобраться, – посоветовал Рэндалл. – Дверь! Ой, я совсем забыл, что у нас нет привратника. Дверь! Я сейчас сам все сделаю.

Рэндалл отбросил брезент в сторону, а затем принес на вилах новые камни.

– Так много? – спросил Ландро, который едва не плавился.

– Ха-ха, – отозвался Рэндалл. – Устроим жаркую вечеринку. Я сварю тебя заживо.

И все равно даже после того, как Рэндалл едва не приготовил из него яйцо-пашот, в его душе не наступил мир. Ландро становилось все хуже и хуже. Он плакал, вспоминая, как тонкие ручонки Лароуза обнимали его за шею, осуждал себя за то, что сделал Лароуза своим тайным любимцем. Мальчуган занимал в его душе все больше места, оттесняя на второй план старшего

брата. Кучи был серьезным, хмурым мальчиком, принимающим все близко к сердцу. В глубине души он был уязвлен, но вел себя так тихо, что никто не догадывался об этом.

– Почему ты все время молчишь? – как-то раз спросил его Ландро.

– Зачем говорить, когда Джозетт и так болтает без умолку?

Он был прав.

Эммалайн продолжала думать о том, что сказал отец Трэвис. Если бы она захотела, то, конечно, смогла бы забрать сына обратно. Но нет, она не станет связываться с системой соц-обеспечения. Там, где любой документ запрашивают в трех экземплярах, может произойти что угодно. Нет, так не пойдет. Вместо того чтобы решиться на последний шаг, Эммалайн думала о том, что Нола потеряла сына, без конца вспоминала об ответственности мужа за смерть Дасти и предпочитала делать нечто иное. В последние несколько месяцев она понемногу выкраивала деньги, чтобы положить их на сберегательный счет Лароуза. Еще она вложила свою любовь в сшитое ею лоскутное одеяло, которое принесла в дом Равичей. Эммалайн отдала одеяло Ноле, которая поблагодарила ее, стоя у двери, сложила одеяло и положила его на самую высокую полку шкафа. Кроме того, каждую пару недель Эммалайн не могла удержаться от того, чтобы приготовить особый суп и обжарить хлеб, как любил ее сын. Она ставила их на порог дома Нолы или даже передавала ей в руки – через них Лароуз почувствует вкус ее любви. Нола все выбрасывала. Как раз перед Рождеством Эммалайн пришла с мокасинами. Оставила их в свертке с надписью «Лароуз». Нола положила мокасины в пластиковую коробку. Спрятанные, они ждали своего часа, и Нола боялась их – копченый запах мокасин обладал силой творить чудеса.

В тех случаях, когда Эммалайн появлялась с приношениями, она видела, что сестра все понимает. Когда Нола открывала дверь, ее улыбка была деланой и кривоватой. Иногда перед тем, как принять еду, руки Нолы сжимались и разжимались, выдавая душевную муку. То, как тщательно Нола выговаривала слово «спасибо», выдавало отчаяние, которое заставляло Эммалайн отворачиваться и идти прочь. В машине она засовывала руку в карман и прикасалась к листку бумаги, на котором было написано: «Можешь взять его обратно».

Однажды, оставив еду на крыльце Равичей, незадолго до Рождества, которое предстояло праздновать без Лароуза, она не смогла уехать. Эммалайн вылезла из пикапа и пошла обратно к их дому. Может, поговорить с Нолой? Попросить разрешения хоть мельком взглянуть на сына? Она постучала, но сестра не ответила. Эммалайн постучала громче, потом так сильно, что стало больно костяшкам пальцев. Она знала, что Нола где-то в доме с ее ребенком и делает вид, что не слышит стука.

Лароуз услышал голос матери и узнал запах супа, который ему было не суждено попробовать. Нола продолжала читать книгу «Там, где живут чудовища»⁵⁰, пока стук в дверь не утих. Ее голос звучал хрипло и тонко.

– И все равно было жарко, – закончила Нола и закрыла книгу. – Хочешь, я прочту ее снова?

– Ладно, – произнес Лароуз едва слышно. Волна неясной грусти накрыла его. Он закрыл глаза и уснул.

– Интересно, существует ли ген стервозности? – задала вопрос Эммалайн, входя в свой дом после стояния на улице перед запертой дверью Равичей.

⁵⁰ «Там, где живут чудовища» – книга Мориса Сендака о непростых отношениях девятилетнего мальчика Макса со своей семьей и окружающим миром, которая стала классикой современной детской литературы США, была издана миллионными тиражами и переводилась на множество языков.

Сноу взглянула на Джозетт, и та произнесла:

– Неужели я слышу это от моей матери?

– Потому что если он существует, – продолжила Эммалайн, – моя сестра получила его от своей матери, которая была первостатейной стервой.

Девочки хмуро уставились на Эммалайн, отказываясь поверить, что их мать заговорила таким языком.

– Ее звали Марна. Она убила мужа и вышла сухой из воды. Конечно, он был основателем какого-то культа.

– Ничего себе.

Девочки протестующе замахали руками.

– Это бред, мама, – заявила Джозетт.

– Однако это правда, – возразила Эммалайн.

– Хорошо, мама, – энергично закивали Джозетт и Сноу, – но позволь тебе напомнить, что сказанное касается нашего деда.

– Ты, мама, говоришь слишком странные вещи. Я имею в виду, быть стервой – это одно, а убийство мужа уже не лезет ни в какие ворота. Ты что-то завираешься.

– Значит, вы не хотите слушать правду. Тогда чего вы хотите? – спросила Эммалайн.

– Мы хотим, чтобы наша жизнь стала нормальной, вот так, – изрекла Джозетт.

– Чтобы в ней ничего не случилось, кроме хороших вещей, – добавила Сноу.

– Мелодрама? Это отвлекает.

– Опять словарное слово! Дай пять!

Девочки хлопнули ладонью в ладонь.

– Хорошо, – проговорила Эммалайн. – Я вам уступаю.

* * *

Маккиннон заговорил с девушкой на ее языке, но она спрятала от него грязное лицо.

– Все, что я делал, – это спросил, как ее зовут, – сказал хозяин фабрики, разводя руками. – Она отказывается назвать имя. Дай ей немного поработать, Робертс. Не хочу видеть, как она сидит там в углу.

Вольфред заставил ее помогать при рубке дров. Когда она размахивала топором, во всех ее движениях отражалась грация гибкого тела. Он показал ей, как пекут хлеб. Увы, жар огня растопил при этом часть грязи на ее лице. Он нанес массу повторно и попытался научить девочку писать. Она все схватывала на лету. При письме он обратил внимание на ее руку – та была безупречных пропорций. Наконец – она предложила это сама – девочка ушла ставить силки. Изъяснялась она достаточно понятно. Планировала выкупить себя у Маккиннона, продав ему меха. Едва ли он заплатил за нее дорого. «На это не потребуется много времени», – сказала она.

Теперь она хорошо понимала, почему Вольфред добавил грязи на ее лицо, а потому начала сутулиться, сморщила лицо и взъерошила волосы, что исказило ее черты. Девочка выучивала каждый день по одной новой букве, потом стала запоминать слова, фразы. И начала разнообразить ими свою речь.

Для маленькой дикарки она, конечно, очень сообразительна, думал Вольфред. Пройдет совсем немного времени, и она сможет занять мое место. Ха-ха. Ему не с кем было перекинуться шуткой, кроме как с самим собой.

* * *

Раздался телефонный звонок. Отец Трэвис снял трубку и отодвинул немного назад свой стул. Услышав имя нового епископа их епархии, он ничего не сказал.

Ничего удивительного.

Предполагалось, что новый епископ Флориан Сорено будет придерживаться жесткой линии по отношению ко всем горячим вопросам – они находились в красном штате⁵¹. Отец Трэвис служил в «синей зоне». Резервации были синими точками и кляксами, голосующими за демократов. Единственным республиканцем в их краю, помимо него самого, был Ромео Пуйят. Новый епископ вполне мог прислать отцу Трэвису в помощники доминиканца⁵², придерживающегося теологии освобождения⁵³. Для такого священника отправка в резервацию стала бы наказанием. Или власть в ней мог полностью захватить какой-нибудь новый орден: в последнее время возникло так много свежеиспеченных фундаменталистских организаций. Пожалуй, ему нравилась ОСПХ, расшифровывающаяся как Общество Святого Пия Десятого⁵⁴. Ему были по душе службы на латыни, а члены этого объединения стояли горой за Тридентскую мессу⁵⁵. Однако другие вопросы, как, например, проблема аборт, его не волновали. Отец привил ему мнение, что женские дела касаются только женщин. Были вещи и поважней – церковные власти до сих пор цацкались со священниками-гомосексуалистами.

Избавиться от одного из них оказалось делом нелегким.

Он сам мог получить новое назначение, или на его голову мог свалиться священник с бóльшим авторитетом и стажем, которому пришлось бы подчиняться. К нему в дом могли подселить помощника – какого-нибудь больного священника, страдающего затяжной депрессией. Или прислать целый вагон монахинь в здешний женский монастырь, который в настоящее время использовался как место собраний и пристанище для нескольких живущих при нем мирянок.

Или, в конце концов, могло вообще ничего не случиться. Никогда нельзя терять надежду. Он поднял взгляд на потрескавшуюся штукатурку на потолке. По нему шла бледная синяя линия. Тот самый цвет. Эта женщина как будто открыла синюю дверь в его подсознание.

Отец Трэвис натянул куртку и вышел на блестящий сухой снег. У него в душе царил мирное блаженство. Он любил Рождество и Полуночную мессу⁵⁶. Сияние горящих свечей одухотворяло черты людей, которые в обычное время сводили его с ума. *«Итак, отвергнем дела тьмы и облечемся в оружие света»*⁵⁷, обычно говорил он в своей проповеди. А потом открылась та самая синяя дверь. В этом не было ни стыда, ни чувства, что он нарушает принесенные им, или Ландро, или ею обеты или еще что-нибудь. Он мог быть счастлив в своих мыслях, не

⁵¹ Красным цветом на карте Америки традиционно изображаются штаты, голосующие за республиканцев, а синим – за демократов.

⁵² Доминиканцы – католический монашеский орден, основанный в 1214 г. испанским монахом Св. Домиником. Основные сферы деятельности: проповедь Евангелия, изучение наук, образование, борьба с ересями, миссионерская деятельность.

⁵³ Теология освобождения – школа теологии в католической церкви, утверждающая, что Иисус Христос был не только Утешитель, но также и Освободитель угнетенных. Ее влияние в католицизме пошатнулось, когда в 1980-х гг. был издан акт о ее официальном осуждении, а ее представители, принимавшие участие в политической жизни, стали преследоваться папой Иоанном Павлом II.

⁵⁴ Общество Святого Пия Десятого (Священническое братство святого Пия X) – религиозная организация, созданная в 1970 г., не принявшая нововведения Второго Ватиканского собора в части реформы богослужения и считающая, что большая часть формальных католиков движется к отступлению от истинной веры.

⁵⁵ Тридентская месса – одно из распространенных названий для обозначения литургии римского обряда, преобладавшей до издания миссала 1969 года.

⁵⁶ Полуночная месса – по традиции начинается в полночь, когда Рождественский Сочельник сменяется Рождеством.

⁵⁷ «Послание к римлянам» 13:12, синодальный перевод.

так ли? Несмотря на Матфея. На его любимое Евангелие. Белые крылья шелестели вокруг. Он огляделся, наполненный странной радостью. Сияние лилось с небес.

* * *

Нола накрыла на Рождество богатый стол, но это не помогло. Казалось, от тяжелого кома в ее груди жидкий свинец проникал в вены, постепенно останавливая циркуляцию крови. Ее ноги и руки были холодными, как лед. Она ежилась под несколькими слоями шерстяной одежды, садилась поближе к печке и в течение всего дня пила горячий чай. Покинуть постель, подняться со стула, изменить положение тела казалось не менее трудным, чем передвинуть мебель. Помогало одно – каждый день усаживать Лароуза на колени и баюкать его, пока мальчик не начинал дремать. Затем он спал крепко, и его безмятежность перетекала в Нолу. Она не двигалась – разве чтобы начать укачивать его снова, когда он начинал шевелиться. Когда Лароуз просыпался, она неохотно отпускала его. Затем поспешно уходила и подсматривала за детьми, притворяясь, что у нее дела во дворе. Питер заметил бы ее притворство, но всю неделю, последовавшую за Рождеством, его волновало лишь то, что, по его предположениям, должно произойти в канун Нового года. Он все спланировал. Когда наступила ночь, он привел свой план в действие.

Утром 31 декабря 1999 года Питер принес в гостиную достаточно дров, чтобы поддерживать в печи огонь всю ночь, – он был уверен, что регулируемые компьютерами электросети, обеспечивавшие обогрев их дома, выйдут из строя. Потом наполнил кувшины для питьевой воды и емкости для смыва туалетов, слил воду из труб – на случай, если они замерзнут. Устроил постели на первом этаже, в гостиной, где стояла дровяная печь, которая должна была согреть их. Он купил спальные мешки, обеспечивающие полный комфорт даже при минусовой температуре, думая, что ими, возможно, придется пользоваться всю зиму. В надежде на продолжение супружеских отношений он нашел в магазине спальный мешок на двоих – для себя и для Нолы. А еще он приобрел толстые поролоновые подстилки под мешки. Он разложил эти необычные постели на полу, и дети принесли сверху свои подушки. Лароуз не выпускал из рук своего плюшевого зверька. У них были еда, радиоприемник на батарейках, компьютер, чтобы в полночь посмотреть видео, и игральные карты. Нола готовила попкорн и смеялась надо всем, что делал Лароуз. По ее виду можно было судить, что она в восторге. Нола не лукавила, потому что, если бы мир действительно провалился в тартарары, ее мучениям пришел бы конец. Ей не придется притворяться, что она лучше, чем есть. Любой возможный хаос случится не по ее вине. Питер и Мэгги играли в «рыбу»⁵⁸, «сумасшедшие восьмерки»⁵⁹ и «червы»⁶⁰, разговаривая приглушенными, взволнованными голосами, а Нола читала Лароузу книгу за книгой.

В конце концов дети заползли в пухлые шелковые спальные мешки и уснули. Питер зажег свечи, достал бутылку игристого вина, развел огонь в печи. Он наполнил фужеры для шампанского янтарным пенистым напитком, наливая его медленно по стенке, сперва Ноле, потом себе. Они подняли бокалы в молчании. Нола отвела от лица волосы, безжизненные белокурые локоны. Они выпили, глядя друг другу в глаза, и увидели незнакомых людей, которые теперь обитали в телах, некогда слившихся воедино, зачиная их сына.

– Хотелось бы знать, кто ты сейчас, – сказала Нола.

– Это я, – отозвался Питер. – Тот же, что и раньше.

⁵⁸ «Рыба» – карточная игра, в которую обычно играют от двух до пяти игроков. Она пользуется популярностью у детей и взрослых и может длиться от 5 до 15 минут.

⁵⁹ «Сумасшедшие восьмерки» – карточная игра, появилась под названием «Восьмерки» в 1930-х гг.; название «Сумасшедшие восьмерки» восходит к 1940 г., когда в США комиссовались психически неустойчивые солдаты.

⁶⁰ «Червы» – популярная карточная игра, главная задача в которой – набрать наименьшее количество очков.

– А вот и нет. Мы никогда не будем прежними.

– Ну и ладно. – Питер сделал большой глоток. – Мы никогда не станем прежними. Но это, знаешь ли, не означает, что изменились наши взаимоотношения. Я тебя все еще люблю.

Его слова повисли в тишине.

– Я тоже все еще тебя люблю, – произнесла она наконец, заставляя свой голос звучать уверенно, пригубила вино, а потом вдруг выпила его залпом. – Еще! – смеясь, воскликнула Нола, подставляя бокал. – Ведь какая разница, все те же мы или нет? Сегодня конец света! Давай выпьем за конец света.

Ее лицо покраснелось и выглядело разгоряченным. На миловидных губах играла счастливая улыбка. Маленькие зубки напоминали жемчужины. Он всегда говорил, что от ее улыбки комната наполняется счастьем – Нола умела заражать хорошим настроением, как это бывает у клевых людей, когда те вдруг отпускают вожжи. Они удивляют и увлекают за собой. Питер наполнил свой бокал, а затем указал на лестницу, ведущую наверх. В порыве страсти Нола вылезла из спального мешка, взъерошенная и босая. Они вместе поднялись, вошли в спальню и заперли дверь. Они тут же занялись любовью – с настойчивостью, которая сначала показалась им сладкой. Но когда объятия стали жарче, они очутились в угрюмом пространстве с мрачными стенами.

Нола, похоже, пыталась задушить мужа. Ее пальцы с силой сжимали нижнюю часть его горла. Ему удалось отвести ее руки назад, и тогда она так вцепилась в его ягодицы, словно ее пальцы стали когтями дикой птицы. Это было больно, но тут она резким толчком заставила его войти в нее. Питер с ожесточением набросился на жену, подгоняя сам себя, и занимался любовью, пока последняя мысль не покинула его голову. Нола выскользнула из-под его груди. Он позволил ей сесть на него сверху, но потом опомнился: хотя она и выглядела слабой, но могла залепить такую оплеуху, что мало не покажется. Она и залепила, да столь сильно, что у него на глазах показались слезы. Он поймал Нолу за запястья, перевернул, заставил встать на колени. Когда Питер начал снова, она остановила его:

– Подожди, ты делаешь мне больно.

Он отпустил ее, и она выбросила вперед ногу, пытаясь нанести подлый удар пяткой, чтобы отделаться от мужа, но промахнулась. На следующий день можно было ожидать зловонного синяка на бедре. Может быть, после того, как она с ним боролась, он был с ней чересчур груб, кроме времени, когда она кончала и кончала в немой ярости, а потом разрыдалась, едва он замедлил движения и наконец вышел.

– Я не должен был этого делать, – прошептал Питер через некоторое время, а когда она не ответила, спросил: – Ты в порядке? – Черная тишина в комнате, казалось, искрилась. – Ладно, – сказал он, – чего там, извини, что все так получилось, но я не жалею, ведь ты тоже в этом участвовала, я чувствовал. Я люблю тебя очень сильно, и, может быть, Нола, мы могли бы завести еще одного ребенка. Мы не говорили об этом, и он не сумеет заменить Дасти, как не сможет заменить и Лароуза, которого я тоже люблю. Что случилось, то случилось, с этим ничего не поделаешь, но ребенок заставит тебя почувствовать нечто такое, что поддержит тебя и даже сделает счастливой.

– Я замерзла, – проговорила Нола. – Терпеть не могу, когда ты начинаешь нести бред.

Он промолчал. Через некоторое время она опустила голову на его грудь, и вскоре ее дыхание стало медленным и размеренным. Когда она уснула, он оставил ее наверху. Спустившись, Питер нежно подтянул одеяльца к подбородкам спящих детей. Что-то заставило его поднять взгляд. Рыжий пес стоял на крыльце, наблюдая за ним через застекленную дверь. Впустить собаку было так просто – тем более в эту ночь ночей⁶¹. Питер открыл дверь. Пес вошел, дрожа от настороженности. Его розовые прямые уши были немного прижаты и напряжены.

⁶¹ «Ночь ночей» – черно-белый фильм-драма 1939 года режиссера Льюиса Майлстоуна, помимо того, эта фраза употреб-

– Ты... – начал Питер и замялся. Он не мог говорить с этим псом как с обычной собакой. – Ты ведь не обычный пес, правда? – все-таки продолжил он. – И ты, должно быть, голоден. У нас была курица, но кости от нее я тебе не дам.

Он посмотрел на пса. Тот выжидательно сел, как это сделала бы дрессированная собака.

– В них могут попасться острые осколки, – пояснил Питер, и пес понимающе приподнял голову. Движение показалось Питеру тревожным.

– Ты можешь подавиться, – закончил мужчина.

Взгляд карих собачих глаз был прикован к рукам Питера, когда тот выковыривал мясо из не до конца съеденной куриной тушки. Когда Питер поставил на пол миску с объедками, пес бросился вперед, заурчав от радости, и проглотил еду в один присест. После этого пес направился прямо к детям. Он постоял над Мэгги, затем над Лароузом, – совсем неподвижно, только постоянно водя носом, – получая кажущуюся нам сверхъестественной информацию о том, что дети делали, ели или трогали в последние несколько недель. Затем, удовлетворенный, виляя хвостом, пес беспокойно прошелся по комнате, обнюхивая каждый предмет, – словно для того, чтобы запомнить его суть. Когда он покончил с этой инвентаризацией, то потоптался и нашел себе лежбище в ногах у детей. Казалось, он был составлен сразу из нескольких собак – рыже-красно-коричневая голова, тонкие лапы, сероватый с рыжими подпалинами мех туловища, темные пятна там, где у человека находятся брови. Питер почесал ему спину. Пес просиял, издал необычный кудахтающий звук, наполненный непередаваемым удовольствием, и заснул, источая легкий запах, свойственный всем собакам. Питер еще раз поправил спальные мешки детей и отвернулся. Затем, как голодный человек, ждущий, когда ему дадут поесть, налил стакан виски и сел перед компьютером. Близилась полночь. Потом она миновала. В течение нескольких часов после нее он совершал прогулки в киберпространстве. Несколько цифровых часов во Франции показали 1900 год. Цепи в некоторых местах вышли из строя и заискрились. Но паники не было. В какой-то момент он опустил голову и, должно быть, вырубился. Рассвет, грустный и спокойный, напомнил, что Питер по уши в долгах.

Случай в кабинете

Дочь Минк грустно размышляла, сидя на снегу: «Я сама разведу костер, раз этот вонючий чимукومان⁶² не пускает меня ночью к огню. Тогда я смогу выбрать вшей из моего платья и одеяла. Правда, его вши переползут на меня, если он опять займется своими прежними вонючими чимукоманскими делами». Она представила себе, как снимает нож с его пояса и вонзает ему между ребер.

Другой, молодой, тот добр, но не имеет никакой власти. Он не понимает, что делает хитрый старый чимукومان. Ее борьба, казалось, только придавала сил этому слюнявому псу, и насильник точно знал, как побыстрее пригвоздить ее к полу, чтобы сделать беспомощной.

Птицы молчали. Снег в тот день падал с деревьев. Она докрасна натерла тело снегом. Сбросив одежду, она лежала обнаженной и желала умереть. Девочка старалась не двигаться, но холод колот ее сердце ледяными иглами, и она невыносимо страдала. Но вот пришел кто-то из иного мира. Это было нежно-голубое существо без определенной формы. Оно утешило ее, одело, завязало ее маказинан⁶³, сдуло вшей, завернуло в новое одеяло и произнесло:

– *Позови меня, когда это произойдет, и ты будешь жива.*

ляется в связи с церемонией вручения премий «Оскар», а также является названием альбома группы The Seekers и песни группы Touchou Project.

⁶² Белый человек (*оджибве*).

⁶³ Мокасины (*оджибве*).

* * *

– От этого пса воняет, – заявила Нола.

– Ничего, я собираюсь отмыть его хорошенько, – успокаивающе произнес Питер. – И потом, это его естественный запах.

Пес посмотрел на Нолу обожающими глазами, поклонился два раза, потом потянулся носом к ее колену.

– Не вздумай, – сказала Нола, обращаясь к псу.

Она вглядывалась в его ищущие сочувствия глаза, и пес изумленно присел.

– Ты вонючий, – снова сказала Нола.

Казалось, пес усмехнулся в ответ на ее слова и задышал чаще.

Он бродил по лесу и дрался с другими собаками. Питер слышал, как они там лают и воют. В некоторые годы собаки из резервации зимой сбивались в стаи и преследовали какого-нибудь оленя, пока тот не падал от изнеможения. Когда они забредали на его землю, он их пристреливал. Этот пес явился к нему с шрамом на носу, с драным хвостом и раненым глазом.

– У него один глаз всегда будет красным, словно налитым кровью, – заметила Нола.

– Этот пес любит жизнь, – ответил Питер. – Однако я буду держать его на привязи. Он поселится во дворе.

– Собираешься его кастрировать?

Питер промолчал.

– Похоже, он пытался съесть зажженную петарду, видишь? С одной стороны у него распухла губа!

– Ну у него есть история. Он явился не из ниоткуда, – сказал Питер, поглаживая пса так, что тот заурчал от удовольствия и в блаженстве закрыл глаза. Его рваные губы приоткрывали острые зубы. Питер рассмеялся. – Этот пес любит порычать, но глаза у него радостные, – проговорил он. – Даже тот, что налит кровью.

– Мы не оставим его, – возразила Нола.

– Придется оставить, – произнес Питер.

Нола внутренне напряглась и покинула комнату. Пес посмотрел ей вслед: он словно сожалел о ее уходе.

Массируя псу уши и шею, Питер прошептал:

– Эй, да ты что-то знаешь! Уверен, что-то знаешь. Что ты собирался мне рассказать?

Пока Питер гладил собаку, его мысли уплыли куда-то вдаль. Его ум стал рассеянным, и поэтому он не расстроился, когда в нем прозвучали слова, словно навеванные потоком сознания.

В тот день я видел Дасты, – раздался в голове Питера голос пса. – И теперь во мне живет часть его души.

Питер приставил свой большой обветренный лоб ко лбу пса:

– Я ведь не сумасшедший, да?

Нет, – сказала собака. – Такие мысли запросто могут прийти в голову нормальному человеку.

* * *

В середине февраля подул южный ветер, растапливая снег и стуча в двери и окна. Ландро вышел из своей «короллы» в одной рубашке и, заправляя ее, не заметил, что машина Питера припаркована у магазина Уайти. Когда Питер вышел на улицу, неся пару упаковок с запотев-

шими банками пива, по шести в каждой, они столкнулись – едва ли не нос к носу. Ландро отвернулся, хмурясь на быстро растущие цифры на табло бензоколонки.

– Понятно, – неожиданно произнес Питер совсем рядом с ним. – Мне заполнить бак стоит тридцатку.

Они не разговаривали с тех пор, как Ландро привел сына в дом Равичей. Ландро кивнул и пробурчал в ответ что-то невнятное.

– Нола увезла детей в Майнот⁶⁴, – сказал Питер. – Они пробудут там какое-то время. Так что я на сегодня холостяк.

Потом он спросил, не заглянет ли Ландро к нему в гости.

– Конечно, – тут же согласился Ландро, не подумав о пиве, и вспомнил о нем, лишь проехав уже десять миль, то есть у самой границы резервации, где стоял дом Питера. Он все еще подумывал о том, чтобы выпивать каждый день, но привык к этой мысли и научился ее сторониться. Под шинами зашуршал гравий дорожки, ведущей к дому Равича. Снег тонким слоем лежал на ветках стриженных вечнозеленых кустарников, посаженных у самого фундамента. При виде затемненных окон Ландро охватил приступ паники, и он чуть не уехал. Но тут за застекленной дверью показался Питер, жестами приглашая войти.

Ландро медленно вышел из машины, и Питер еще раз помахал ему. Пес, которого их семья подкармливала, теперь стоял позади Питера. Он признал Ландро и, бросив на него выразительный взгляд, отвернулся. Даже притом что теперь здесь жила собака, в доме ничем не пахло. Нола, если чувствовала какой-нибудь запах, тут же зажигала специальную свечу, поглощающую любые ароматы. В ее доме ничто не напоминало о привычках живущих здесь людей. В нем никогда не пахло несвежей одеждой, старой едой или даже той пищей, которую Нола готовила в данный момент, потому что она включала вытяжку, которая высасывала все запахи и отправляла их прямым в трубу. Но отсутствие запахов тоже имеет свой запах, и Ландро его ощущал.

Он оставил свои туфли у двери, прошел по застеленной ковром гостиной и сел рядом с Питером посреди его полированного антиквариата. Гостиная была отделена от кухни длинной стойкой. Не помня, куда идет, или, может быть, зная маршрут слишком хорошо, Питер прошел на кухню, открыл холодильник и достал банку холодного пива. Сев за стол, он предложил Ландро сделать то же самое. Тот повиновался. Ландро не видел себя со стороны, как обычно делал это мысленно. Каким-то образом в этот момент он не думал ни о чем и, тоже взяв себе пива, сел, потому что его мозг, подобный губке, требовал действия, чтобы впитать его. Затем, уже на клеточном уровне, ему понадобилась жидкость.

– Спасибо, – произнес Питер, глядя на стол.

– Спасибо, – повторил за ним Ландро, глядя на банку с пивом.

Мужчины позволили эмоциям захлестнуть их. Они начали болтать в общих чертах о разных вещах: о людях, находящихся под опекой Ландро, и о кризисной школе-интернате, в которой Эммалайн была кем-то вроде директора и где также вела уроки, о ферме и о подработках Питера, в рамках которых он торговал пиломатериалами и горючим для фермеров. Эта дополнительная работа позволяла ему держаться на плаву, и с ней, наверное, ему не суждено было расстаться, потому что она позволяла ему продолжать заниматься фермой. Они допивали одну банку и начинали другую. На четвертой или пятой у Ландро все поплыло перед глазами, и он понял, что домой ему уже не уехать. Он попытался тянуть пиво спокойно, не торопясь, но от незримого присутствия сына мысли путались, и в голове стоял звон. Первая волна эмоций была связана с чувством дружбы. Но уже со второй банкой пива она сошла на нет. Ландро поднял широкую руку и прикоснулся к щеке. Его лицо было изрыто, но не юношескими угрями,

⁶⁴ Майнот – город в США, четвертый по величине в штате Северная Дакота.

а ветряной оспой, от которой он едва не ослеп, когда был ребенком. Он пытался уклониться от того, что выросло между ними.

– Обязательно убедитесь, что ему сделают прививку той новой вакциной, которая защищает от ветрянки, – проговорил Ландро. – Вот что она может наделать.

Взгляд Питера остановился на лице Ландро. Периодические вспышки ярости Нолы научили его глубоко прятать свой гнев. Он обезоруживал ее своим спокойствием. Любое проявление раздражения с его стороны могло воспламенить в ней мрачное раздражение. Поэтому внезапная, невыносимая боль под ребрами сбила его с толку. Он не узнал ее или не хотел узнавать.

– Так говоришь, ветрянка?

– Ага.

– А я думал, это какой-то сукин сын с ружьем брызнул тебе в лицо дробью.

Питер удивился вырвавшимся у него словам. Расстроенный, он вскочил, выпустил собаку и взял еще одну банку пива. Он решил, что правильно сделал, заговорив в таком тоне. Почему бы и нет. Интересно, как Ландро это воспримет?

Ландро почувствовал себя ныряльщиком. Какое глубокое погружение! Казалось, все слова остались там, в синеве. Затаив дыхание, Ландро опускался все ниже. Закрыв глаза. Протянул руку. Питер вложил в его ладонь банку с пивом. Он стоял над ним, источая агрессию. Глаза Ландро раскрылись. Он вскочил на ноги и мгновенно ударил банкой в висок Питера. Оружие было так себе, но Питер уже не стоял на прежнем месте. Он увернулся от удара, подставил Ландро подножку и попытался повалить его на спину, но тот выставил вперед колени, и Питеру пришлось наклониться, чтобы нанести удар: это дало Ландро возможность захватить голову противника. Они покатались кубарем, опрокинули стол, а потом встали по обе стороны от него, тяжело дыша, с открытыми ртами, не отрывая друг от друга глаз, в которых читался стыд.

– Ладно, – сказал Питер, – забудь про пиво.

Со двора доносился собачий лай.

– Ты знаешь, за мной не заржавеет, – проворчал Ландро.

– Да уж, – отозвался Питер, ставя стол на ножки. – Черт тебя подери.

Ландро пододвинул стул и сел, закрыв лицо руками.

– Давай. Вломи мне как следует, – предложил он.

– Я не против.

Боль продолжала kloкотать в груди Питера, но теперь она приобрела более знакомый характер.

– Я мог бы напоить тебя до свинского состояния. Я мог бы устроить засаду и вздуть тебя как следует. Я смог бы тебя достать, не сомневайся, но мне хочется совсем не этого. Дасти. Он снится мне каждую ночь.

– Даже несмотря на то, что Лароуз живет у вас?

– Да, он все равно снится, и я чувствую себя виноватым. Я хочу сказать, что люблю твоего мальчика.

У Ландро отлегло от сердца, когда он услышал слова «твоего мальчика». Он взглянул на Питера.

– Я бы отдал свою жизнь, чтобы Дасти вернулся к тебе, – признался Ландро. – Лароуз – моя жизнь. Я сделал все, что мог.

Они поставили стол и кресло на прежние места, снова сели, кивнув друг другу, но пива больше не открывали. Питер провел рукой по лицу, откинулся на спинку стула, покачался на его задних ножках, а потом опять сел ровно и посмотрел Ландро прямо в глаза.

– Коли на то пошло, – произнес он, тщательно выговаривая слова, – у меня есть кое-какие вопросы, которые надо задать.

– Давай разберемся с ними потом, – предложил Ландро.

Он опустил глаза, словно отстраняясь от собеседника. Он не знал, что сказать, потому что внезапно его охватило отчаяние. Он понимал, что следует ожидать какого-то законного акта. Например, официального усыновления. Он встал и вышел за дверь. Ему нужно было еще немного подождать.

* * *

Миссис Пис улыбнулась, глядя на ковер. От него до сих пор исходил букет сладких химических запахов. Она представляла себя плывущей в своем сером обитом искусственным бархатом кресле по простирающемуся у ее ног полю цветов. На ее коленях стояла жестяная коробка. Почти полгода прошло без приступов, но ее враг все же подкрался к ней. Боль накатывала волной. Она боролась с ней. Сильнодействующее обезболивающее сейчас как раз начинало действовать. Клещи, только что сжимавшие ее изношенное старое тело, постепенно нехотя разжимались. Боль не хотела отпускать. Но минута освобождения приближалась. Тело расцветало с каждым более легким вдохом. Через застекленные двери открывалась целая панорама: взгляд миссис Пис скользил по заметенному снегом двору, по корявым яблоням за ним и неровной линии забора, а потом устремлялся вниз по широкому полю, в конце которого виднелось кладбище.

Люди начали выкладывать там светящиеся узоры из фонариков на солнечных батарейках – наряду с другими вещами, оставляемыми на родных могилах. В августе они с Эммалайн тоже воткнули в землю несколько фонариков. Дочь, при родах которой она чуть не умерла, теперь лежала там.

Ее мать тоже покоилась там. На ее могиле лежал белый камень с постепенно исчезающей надписью. Там, внизу пологого холма, было так много родственников и друзей, людей, которых она любила. Через час могилы, эти дома мертвых, начнут светиться под снегом молочным светом.

Боль отступала, оставляя после себя легкость, напоенную грезами. Ее мать приходила в гости, взойдя по холму в своем старом, подбитом ветром пальто, которое ее и доконало. Ей не пришлось стучать в дверь, она просто зашла и села, скинув галоши, очень красивые, отделанные изнутри плюшем. Свернувшись калачиком на диване, укутавшись фиалковым вязаным шерстяным платком, она проговорила:

– Все спокойно, все ясно⁶⁵.

– Я знаю, – сказала миссис Пис. – Мне следовало выбрать пряжу более темную, более приглушенного розового оттенка. Я неправильно оценила эффект.

– В школе-интернате в Форт-Тоттене⁶⁶ у меня было ситцевое платье такого же оттенка в бело-голубой горошек. Ну не само платье, которое было серым, как все платья. Просто широкий пояс. Нам иногда позволяли носить пояс или что-то цветное в волосах. По особым случаям. Ведь дисциплина у нас была военная. Вот так-то. От военного поста до промышленно-военного училища.

– Я до сих пор думаю о тебе каждый день. У меня есть несколько твоих фотографий, но мне не обязательно на них смотреть. Я так часто ими любовалась, что запомнила их.

Ее мать поежилась под платком.

– Ты не сделаешь потеплее?

⁶⁵ «Все спокойно, все ясно» – вторая строчка из «Тихой ночи» (нем. «Stille Nacht, heilige Nacht», «Тихая ночь, святая ночь»), рождественского христианского гимна, созданного в 1818 году, одного из самых известных и широко распространенных по всему миру произведений, посвященных Рождеству.

⁶⁶ Форт-Тоттен – населенный пункт в Северной Дакоте, США.

– Конечно, одну минуту!

Лароуз взяла сковородник и с его помощью повернула ручку на циферблате, укрепленном на стене. Ее мать даже вскрикнула от удовольствия.

– Еще немного, и я почувствую себя отлично!

– Я заварю тебе чай.

– Нам не позволяли пить чай. У нас было молоко. Каша и голубое молоко. То, что остается, когда с него сняли все сливки, понимаешь? Мы пили его. Потом звенел звонок. Там всегда звенели звонки. Все, что мы делали, мы делали по звонку. Очень скоро звонки начинали звучать в ушах все время.

– Я слышу их до сих пор.

– И голова словно готова взорваться, да?

– Как праздничная петарда.

– Боже, моя девочка. Я чувствую, мне становится тепло. Но холод остается в костях, как всегда. В первый год они забрали мое одеяло, мое маленькое теплое кроличье одеяльце. Отняли мои меховые мокасины. Мое индейское платье и все-все. Маленькие сережки из ракушек. Бусы. Куклу. Она, верно, до сих пор пылится на том стенде с сувенирами? Они пустили все, что наши семьи оставили нам, на сувениры. Они торговали ими. И не спрашивай.

– Что они творили!

– Я знаю! Что стало с косами, которые они отрезали и у мальчиков, и у девочек? Они занимались этим многие годы.

– Там собрали сотни детей со всех уголков, вплоть до Форт-Бертольда⁶⁷, так что в те годы были отрезаны сотни и сотни кос. Куда же подевались все эти волосы?

– Ими набили наши матрасы? Думаешь, мы спали на собственных волосах?

– Если бы наши волосы сожгли, этот запах невозможно было бы не запомнить.

– Но лишившись волос, мы потеряли свою силу и стали умирать.

– Посмотри на эту фотографию, – сказала миссис Пис. – Ряды и ряды детей в топорщащейся одежде на фоне большого кирпичного здания. Какие сердитые у них взгляды.

– Взгляни на этих маленьких детей. На мой взгляд, их принесли в жертву за всех нас. Приучили ходить в вызывающей зуд одежде.

– Подобные фотографии хорошо известны. Их демонстрировали, желая показать, что мы можем стать людьми.

– Правительство? Оно тогда желало нашего истребления. Помнишь, что написал тот «волшебник из страны Оз»⁶⁸? У тебя есть вырезка.

Лароуз порылась в коробке и достала из нее клочок газетной бумаги.

– Вот она.

«Абердин сэтэрдэй пионер», 1888 г. статья Фрэнка Баума

...возжи краснокожих уничтожены, а те немногие, кто остался, представляют собой свору скулящих шавок, лижущих руку, которая их бьет. Белье по праву завоевания, по справедливости и в силу своей цивилизованности являются хозяевами американского континента, и безопасность приграничных населенных пунктов легче всего обеспечить посредством полного уничтожения немногих оставшихся индейцев. Почему бы и впрямь их не уничтожить? Их

⁶⁷ Форт-Бертольд – поселение на реке Миссури в Северной Дакоте, выросшее из двух торговых факторий, в свое время являвшееся местом квартирования подразделения армии США, позже стало центром индейской резервации. В настоящее время находится на дне водохранилища.

⁶⁸ Имеется в виду Лаймен Фрэнк Баум (1856–1919) – американский писатель, создатель волшебной страны Оз, описанной в его книге «Волшебник страны Оз».

слава осталась в прошлом, их дух сломлен, их мужественность растаяла, им лучше умереть, чем жить, как жалкие побирuhiки, которыми они в настоящее время являются.

1891 г. статья Фрэнка Баума

...наша безопасность зависит от полного уничтожения индейцев. После того как мы были столь несправедливы к ним на протяжении нескольких веков, нам следовало бы для того, чтобы защитить нашу цивилизацию, совершить еще одну несправедливость и стереть этих диких и неукротимых тварей с лица земли.

- Вот так-то, – заметила миссис Пис. – А здесь чудно.
- Это не страна Оз, – заметила ее мать.
- Твое кладбище похоже на страну Оз. Все эти зеленые светящиеся огоньки.
- Жаль, что зимой в поле не растут маки.
- Здесь у меня есть кое-что получше.

Миссис Пис порылась в жестяной коробке. Под всеми бумагами и памятливыми записками она держала обезболивающие пластыри – белые с зелеными надписями, в прозрачных пакетиках. Лароуз была крайне осторожна в пользовании ими. Предполагалось, что она должна предупреждать боль, но ей не нравилось воспринимать свое положение слишком мрачно. Она предпочитала сначала позволить боли скрутить ее так, что она не могла больше думать ни о чем другом. Ее пластыри служили дополнением к лекарствам. Она их принимала столько, что они должны были убить ее много лет назад.

- Истреблять или просвещать.
- Просто мне нужно унять боль, – сказала Лароуз.
- Хорошо, что мы стали учительницами. Так мы смогли любить этих детей.
- Были хорошие учителя, и были плохие. И те и другие не могли справиться с одиночеством.
- Оно укореняется в человеке очень глубоко.
- Говорят, оно передается из поколения в поколение. А их у нас было четыре.
- Может, все наконец остановится на этом мальчике.
- На Лароузе.
- Хоть бы у него все было хорошо.
- Может, и будет.

Кресло стало еще бархатистее. Воздух наполнился звуком капли. Водяные потоки с мягким шумом струились вокруг нее. Она протянула руки. Ее мать взяла их. Они оттолкнулись и поплыли. Вот так ее навещала мать, которая умерла от туберкулеза, так же как бабка и прабабка. Эту невероятно жестокую болезнь родители успевали передать детям перед тем, как скончаться. Но миссис Пис не умерла от туберкулеза, передавшегося ей от матери. Ее вылечили в санатории в 1952 году, когда был изобретен изониазид⁶⁹, который, к всеобщему удивлению, оказался способен излечивать неизлечимое.

– Я была уверена, что умру, как ты, – сказала она матери. – Поэтому и старалась не обзаводиться привязанностями. А без них годами кажешься себе онемевшей и лишь потом начинаешь чувствовать. Сначала это больно. Чувствовать – это как болеть. Но со временем к этим новым ощущениям привыкаешь.

- Тебя спасли не просто так, да?

⁶⁹ Изониазид (тубазид) – противотуберкулезный препарат.

– Ах, эти дети, – проговорила миссис Пис. – Как хорошо было вязать вместе с ними, шить церемониальную индейскую одежду, разучивать танцы. Устраивать маленькие посиделки, на которых я наливала немного кофе в их кружки с молоком.

– Ты видишься с ними сейчас?

– Время от времени. С теми, кто остался в живых. С Ландро, конечно. И Ромео тоже заходит. Я слышала о многих других. Одни успешны, другие нет.

Они вдвоем раскачивались в пространстве, все еще держась за руки, и наконец ее мать выкрикнула:

– Ах, как хочется подарить тебе всю мою любовь, которую я тебе недодала! Как горько было умирать и оставлять тебя одну! Как хорошо, что сейчас мы можем быть вместе!

* * *

Нола притащила дочь на мессу. Во время коленопреклонения Мэгги нагло уселась на край скамейки. Нола толкнула девочку, и та отодвинулась от матери, подальше от ее карающей десницы. Хитрый маневр возмутил Нолу, и та поспешила восстановить порядок. Одним быстрым движением она дала дочери подзатыльник и, схватив за шиворот, придвинула к себе. Она проделала это с такой стремительной уверенностью, что Мэгги лишь охнула и плюхнулась на прежнее место. Никто другой вокруг них, казалось, не заметил произошедшего, хотя отец Трэвис бросил в их сторону быстрый взгляд, когда подходил к кафедре.

Отец Трэвис давным-давно перестал читать проповеди. Вместо них он предпочитал разные истории. Сегодня он рассказал, как святой Франциск проповедовал птицам, рыбам и благочестивому кролику, а затем спас итальянскую деревню Губбио от кровожадного волка.

Отец Трэвис вышел на середину прохода между скамьями и представил в лицах встречу святого Франциска с волком. Он описал губбийского волка как чудовищно большого и склонного к поеданию людей. Когда святой Франциск прибыл в деревню, он последовал по следам волка в лес, а затем столкнулся с ним. Этому волку никто никогда не бросал вызов, и он был удивлен, что святой Франциск его не испугался. Волк выслушал святого и согласился больше не нападать на деревню. Волк скрепил эту договоренность, вложив лапу в руку Франциска.

– Когда человек говорит спокойно и источает покой, даже волк может его послушаться, – заключил отец Трэвис.

Мэгги задумалась и прошептала:

– Да, но иногда все-таки приходится кусаться.

Святой Франциск привел волка обратно в деревню, где ее жители и дотоле свирепый хищник дали друг другу взаимные обещания. Обитатели Губбио должны были кормить волка. Каждый день тот мог обходить дома и получать подачки. Взамен волк должен был больше не нападать на людей. Он опять вложил лапу в руку святого Франциска, на этот раз перед жителями деревни, затем вместо клятвы повалился на спину, а потом встал на задние лапы и завыл. Воцарился мир. Волк умер от старости. Народ Губбио поставил надгробие на его могиле и оплакал его смерть.

Мэгги сдержала ярость, потому что хотела услышать историю до конца, но когда отец Трэвис закончил, она снова отодвинулась подальше, на сей раз благополучно оказавшись вне досягаемости руки своей матери.

Люди пошли на сделку с волком только потому, что он их ел. Мэгги была в этом уверена.

* * *

Все знали, что Питер взял из резервации бездомного пса, который раньше жил в лесу. Но однажды пес сорвался с привязи и нанес Ландро визит вежливости. Тому как раз предстояло

отправиться на работу в жилой комплекс, где ждал Аван, один из его подопечных, и он заманил животное к себе в автомобиль, намереваясь высадить его у дома Равичей.

Ландро хотел оставить собаку у двери, и только. Но на звук подъехавшей машины вышел Питер и, забрав собаку, резко произнес:

– Нам нужно закончить тот разговор.

– Я опаздываю, – ответил Ландро.

– Это не займет много времени, – сказал Питер. – Ты можешь зайти? На пять минут?

Ландро поник плечами и скинул у двери ботинки.

– Не волнуйся, – успокоил Питер.

Ландро сел за стол и провел рукой по его краю. Он не хотел говорить с Питером, поднимать вопрос, которого страшился. Он чувствовал, как внутри него бурлит напряжение и сердце бьется все чаще.

– Дело в нашем договоре, или как там его назвать, – начал Питер.

Ландро кивнул, разглядывая свои пальцы.

– Вопрос вот в чем... – продолжил Питер, и сердце Ландро замерло. – Вопрос вот в том, как на мальчика воздействует вся эта ситуация.

Сердце Ландро вновь стало биться.

– В том, как ему со всем этим разобраться, – вставил он тихо.

– Он грустит, – сказал Питер. – Скучает по семье. Не может понять, в чем дело. Вы живете в самом конце дороги. Я часто вижу его лицо в зеркале заднего вида, когда мы проезжаем мимо. Он становится таким тихим, когда смотрит на свой старый дом.

Это было все, что Питер осмелился открыть. Он умолчал про приглушенный плач. Не решился рассказать и о том, как мальчик бил себя руками по голове, о вопросах, которые тот тайне задавал одному Питеру. «Где моя настоящая мама?» – шептал малыш.

Ландро принял к сведению слова Питера и заговорил:

– Такое чувство, будто я использовал его, чтобы снять с себя вину. Наши обычаи. Черт бы их побрал. Теперь не старые времена. Но потом, опять же в этом был смысл. Я хотел...

Ландро умолк.

Помочь, мысленно договорил за него Питер.

– Думаю, так и есть. Так и есть, я это знаю. Ты нам помог. С тех пор, как мы с Лароузом, мы думаем о нем, любим его. Он хороший мальчик, Ландро, ты его правильно воспитал. То, что он с нами, помогает Ноле. Помогает Мэгги. Это действительно помогает... Но что происходит с ним? Я хочу сказать, он успокаивает сердце Нолы. Важное дело. А между тем, наверное, сердце Эммалайн разрывается.

– Не то слово, – произнес Ландро. – Но она это скрывает.

– А Нола ничего не скрывает. У нее постоянно все написано на лице, куда бы она ни пошла, – закончил Питер и беспокойным жестом обвел весь свой дом: гостиную, столовую, кухню.

Они оба погрузились в размышления. Ландро не давало покоя какое-то зудящее чувство клаустрофобии. Оно возникало всякий раз, когда он входил в дом, где царил агрессивная чистота. Он ощущал его и в доме Равичей – тут все повиновалось приказу. В прошлой жизни Ландро уже были звонки, проверки постелей, свистки, построения, лотки с перегородками для разнотипных вещей, размеренные будни школы-интерната. Отдающая военной дисциплиной подготовка к насилию почему-то всегда требовала невообразимой аккуратности.

– Я не могу не только передвинуть мебель, но и переложить какую-нибудь вещь, – пожаловался Питер. – Жена тут же кладет ее обратно. У нее словно встроена в голову измерительная рулетка. Она может сказать, когда что-то переместилось всего на несколько миллиметров. Поверь, она знает, что мы тогда опрокинули стол.

Ландро кивнул.

– Мне бы хотелось... Чтобы в ней это исчезло, – сказал Питер. Потом ему подумалось, что он неправ. Это казалось сродни предательству. В конце концов, Нола переехала в его дом, когда тот был совершенно новым, но уже наполненным вещами, которые принадлежали родителям, дедушкам и бабушкам. Ее тщательная забота об этом наследстве всегда ему нравилась. – Я хочу сказать, ей не помешало бы иногда просто отпускать вожжи.

– Ты бы хотел, чтобы она снова была счастлива, – вставил Ландро.

– Счастлива? – Питер повторил это слово, потому что оно показалось ему странным и архаичным. – Моя жена постоянно злится на Мэгги, это худшее, но на самом деле не делает ничего дурного. Нола хорошая мать. Сначала я хотел вернуть вам Лароуза. Я думал, то, что ты сделал, было совершенно неправильным, считал, что ей станет без него лучше. А затем понял, что, если я приведу его обратно к вам, это убьет ее.

Ландро вспомнилась жалкая фигурка Эммалайн, согнувшаяся в ритуальной парилке.

– Дело в Лароузе, – сказал Питер. Его дыхание стало хриплым. Удары сердца раздавались в ушах. Питер знал: слова, которые он собирался произнести, заставили бы его жену залиться слезами, зайдясь в том пронзительном животном вое, который после того, как дети засыпали, она позволяла себе, удалившись в сарай, в надежде, что ее никто не услышит. – Дело в Лароузе, – повторил он. – Надо подумать о нем. Мы должны поделиться им. Нам, знаешь ли, следует сделать все между нами проще.

– Вот как, – произнес Ландро.

У него было такое ощущение, будто с головы сняли крышку и в глаза ударил сноп света. Он не мог говорить. Слабость напала на него, и он опустил голову на стол. Питер посмотрел сверху вниз на длинные волосы, рассыпавшиеся по столу, на сложенные руки Ландро, могучие, но обессиленные. Сложное чувство презрения охватило его, и он подумал о том восторге, который будет чувствовать через час, а может быть, два после того, как рубанет топором по голове Ландро – так он назвал поленницу у забора, и мысленный образ раскалывающегося под топором черепа служил немалой причиной того, что ее размеры постоянно увеличивались. Если бы не Лароуз, думал он, если бы не Лароуз.

Потом картина горя, которое испытает мальчик, заставила его выбросить из головы подобные мысли.

После того как Ландро ушел, Питер лег на ковер в гостиной и стал глядеть на потолочный вентилятор, прижав руки ко лбу. Казалось, его кишки наматываются на лопасти. Он с трудом заводил друзей, и ему было нелегко поддерживать с ними отношения. Разговор с Ландро дался ему тяжело. Ростом Питер был шесть футов два дюйма⁷⁰, выносливый, потому что работал на ферме, но у него были слабые лодыжки, колени, запястья и шея. Там, где одна часть его тела соединялась с другой, часто возникали боли. Тем не менее он мужественно их терпел, зная, что они пройдут. Этому его научили тренеры в школе. Эта ферма принадлежала его родителям. После их смерти, кроме него, в число наследников входил только поселившийся во Флориде брат, но он выкупил его долю. Семья Питера имела русские и немецкие корни и поселилась здесь достаточно давно, чтобы вывести свою землю из собственности местного племени.

Когда Питер чувствовал себя хорошо, он любил подбрасывать Лароуза и Мэгги в воздух. Падая, они видели улыбку на его обычно невозмутимом славянском лице. Он вставал в пять утра и ложился спать в полночь. Он работал на нескольких работах, плюс ферма, и часто не успевал справиться со всеми делами. Нолу он встретил в Фарго⁷¹. Они оба учились в НДСУ⁷², и было удивительно, что до этого они не столкнулись друг с другом в Плутоне –

⁷⁰ 187,96 см.

⁷¹ Фарго – крупнейший город штата Северная Дакота, США.

⁷² Государственный Университет сельского хозяйства и прикладных наук Северной Дакоты, более известный как Государственный Университет Северной Дакоты (НДСУ) – общественный исследовательский университет, расположенный в городе Фарго.

маленьком промозглом городке с несколькими старыми зданиями, находящейся на грани разорения продуктовой лавкой, парой сувенирных магазинов, автозаправкой «Сенекс» и новым «Банком Запада»⁷³. Семья Питера в то время владела земельным участком неподалеку от Плутона, а Марна, мать Нолы, жила там в детстве – она даже иногда бывала на том участке, который арендовали ее родители. После смерти Билли Писа ее дела шли все хуже и хуже, так что ей пришлось переехать вместе с детьми в Фарго, где она из-за некоторых жителей заставила их взять в качестве фамилий свои средние имена⁷⁴.

С самого начала Питер потерял голову из-за Нолы. Очень гибкая, она была прекрасно сложена. Нола была шатенкой, но осветляла волосы, чтобы те выглядели ярче. Зимой они становились каштановыми, если она это допускала, точь-в-точь как его собственные. Ее лицо, изысканное и миловидное, как у чирлидерши⁷⁵, но ее глаза немного косили, и в них постоянно присутствовало расчетливое выражение. Она часто уходила в свои мысли, ускользала от него. Сколько бы сил Питер ни потратил, он не мог завладеть ее вниманием. Даже когда она была прямо перед ним, ее, казалось, невозможно было найти. Иногда ее беспощадные темные глаза становились непроницаемыми. Нола становилась стеной, покрашенной свежей краской. Ее лицо словно закрывалось ставнями. Он пытался на ощупь найти открывающий их секретный крючок. Иногда они распахивались в постели, она оживала, тянулась к нему с сияющей теплотой, ее лицо розовело и становилось нежным, веселые глаза лучились любовью. Было ли это в реальности? Он не мог больше этого утверждать.

Как он преподнесет ей эту новость? Идею воспитывать Лароуза вместе. План, который составили он и Ландро. Это была временная договоренность – позволить ребенку жить по месяцу в каждом доме, за чем будут следить мужчины как наиболее уравновешенные люди. Он скажет ей осторожно, когда они будут в сарае. Тогда Нола сможет на это как-нибудь отреагировать. Питер успел стать специалистом по сохранению спокойствия во время воплей, криков, сквернословия, гнева, печали, страданий, ярости, стонов и плача, страха, пения, молитв, а затем мучительного обретения мира в душе, которое следовало за всем этим.

Теперь иногда, в обычном и спокойном состоянии, они занимались любовью. Это не было похоже на первый раз. Его не простили, но он был принят. Возможно, в роли придурка, но уж точно того, кто больше не причинит вреда. «Ладно, оттрахай меня», – говорил он ей каждый раз, когда она садилась на него верхом. «Нет, спасибо, – отвечала она всегда, – это сделает нас равными». Их любовь была спокойной, может быть, нежной, может быть, странной или, может быть, фальшивой. Она всегда что-то мурлыкала, пока сосала его член. Но теперь в ее мычании можно было различить реальные мелодии. На следующий день мелодия начинала казаться ему озорной и насмешливой, хотя он и не знал слов. Порою она источала сладкую, теплую чуткость, которая действовала на него, как радиоактивное излучение. Иногда оно укрепляло его. Иногда же он чувствовал, как оно разрушает его кости.

После того как он и Ландро договорились растить Лароуза вместе, ему стало казаться, будто жена знает об этом. Нола вернулась к Питеру восхитительно беззащитной. Впоследствии она по вечерам уютно устраивалась рядом с ним на диване, толкая его, чтобы усесться поудобней. В такой обстановке он не мог признаться. Может быть, утром, думал он. После того, как Мэгги уйдет в школу.

- Ты моя голубка, – сказал он и погладил ее плечо так, словно на нем росли перья.
- Коварная голубка. Которая клюнет тебя в самое сердце, – отозвалась она.

⁷³ «Банк Запада» – финансовая компания со штаб-квартирой в Сан-Франциско, Калифорния.

⁷⁴ Среднее имя – имя, обычно расположенное между личным именем и фамилией. Используется как элемент полного имени. Как правило, по форме представляет собой второе личное имя, но в некоторых случаях традиционно имеет форму девичьей фамилии матери.

⁷⁵ Чирлидерша – представительница чирлидинга (распространено также написание черлидинг), вида спорта, сочетающего элементы шоу и зрелищных видов спорта (танцы, гимнастика, акробатика).

– Ему будет больно.

– Ничего не могу поделывать, – возразила она, а потом вдруг спросила: – Ты останешься со мной, если я сойду с ума?

В ее голосе прозвучало отчаяние, поэтому он попытался отшутиться:

– Знаешь, ты уже сумасшедшая.

Питер почувствовал слезы на своей груди. Похоже, он зашел слишком далеко.

– В хорошем смысле. Я люблю твои причуды!

– А почему ты не сумасшедший?

– Я сумасшедший. В душе.

– Нет, это не так. Ты не сумасшедший. Как ты мог не сойти с ума? Мы потеряли его. Как ты мог сохранить разум? Тебе что, все равно, черт бы тебя побрал?

Ее голос стал колючим, громким.

– Тебе на все наплевать! Ты холодная сволочь, фашист. Тебе все равно!

– Эй, – сказал он, обнимая ее. – Мы не можем оба сойти с ума. Во всяком случае, в одно и то же время. Давай делать это по очереди.

Она затихла, потом резко рассмеялась.

– Сволочь. Фашист.

Она засмеялась сильнее. Ее смех словно открыл в Питере невидимую задвижку, его провало, и они вместе смеялись до колик, как ненормальные, с надрывом, а потом оба рыдали, уткнувшись друг другу в волосы, и их сопли капали на простыню.

– Ты все равно моя голубка, – сказал он позже. – Я никогда не перестану тебя любить.

Но она напугала его. Любовь словно превратилась в лед, когда он услышал мертвую уверенность в сказанных ею словах. Он ощутил худшее из одиночеств. То, которое чувствуешь рядом с чужим человеком.

Позже, проснувшись в темноте, он положил руку на ее бедро, сонно желая исполнения своего давнего странного желания раствориться в ней, стать ею, быть одним с нею существом, качающимся в темноте.

Именно так, устало подумал он, вновь медленно погружаясь в сон. Утром ему все-таки предстояло рассказать ей о договоренности с Ландро. Не в доме, где их мог услышать Лароуз, а в сарае. Идея поделиться Лароузом могла привести к тому, что его жена повела бы себя как сумасшедшая, и он этого опасался, но и молчать он не мог. Питер не мог выдержать непонятного чувства, что они поступают с ребенком несправедливо.

Нола восприняла сообщение прекрасно и потом пребывала в превосходном настроении в течение еще нескольких дней. Она ожидала чего-то подобного. Она была в порядке, пока не увидела мышь. Не то чтобы она испугалась. Но когда вы видите одну мышь, это значит, что десять тысяч подобных тварей уже находятся где-то поблизости. Это произошло у входа в гараж. Нола загнала мышь в угол и попыталась притопнуть ее, но та выскользнула из-под каблука. Это разозлило женщину. В тот день она была не одна: Мэгги и Лароуз играли во дворе. Она только что убедилась в этом. Им не разрешалось покидать двор, и они знали, что она будет проверять их каждые пятнадцать минут. Нола стояла в маленьком грязном чулане, соединяющем дом с гаражом. Она редко заходила сюда – это было его место, его мастерская. Она почти никуда не ездила, но когда было нужно, он подгонял для нее машину ко входу в дом. Впрочем, с тех пор, как Питер стал работать не только на ферме, он проводил в гараже не так много времени.

Она вошла, и, к ее ужасу, в нос тут же ударил кислый мышинный запах. Она выскочила, глотая свежий воздух, потом сделала глубокий вдох, включила свет и вернулась в гараж.

Послышался быстрый шорох, выдающий невидимое движение. Крошечные черные катышки мышинового помета покрывали верстак Питера. Ведро с тряпками. Она побежала

обратно в чулан, отдышалась, сделала еще один глубокий вдох и снова вошла. Может, в нижней части ведра было зерно. Что-то ведь привлекло их. Кто знает, вдруг он оставил пакет недоеденных чипсов. Но все выглядело довольно аккуратно, потому что Питер был человеком, который, слава богу, любил порядок даже в собственном гараже. Она открыла первый из высоких шкафчиков, в которых он хранил инструменты с длинными ручками – ножницы, топоры, лопаты, большие и маленькие. То, что Нола увидела, заставило ее забыть, что она задержала дыхание.

На верхней полке шкафчика стояла позолоченная картонная тарелка из-под торта, полная мышинового помета и погрызенных свечей, какие втыкают в торт на день рождения. То же самое было во втором шкафчике, в третьем, четвертом и так далее – за исключением последнего, в котором стоял удобный желтый контейнер, куда она клала мужу еду, чтобы он пообедал на работе. Она обыскала этот контейнер. Мыши не добрались до торта, хотя несколько кусков, видимо, были съедены Питером. Глазурь слегка пожелтела, под цвет контейнера, и по ней она пустила фиолетовые цветы, тоже из глазури. Это был не самый сложный ее торт, и на нем были выведены имена детей. Она вынула его и подержала. Затем подняла легкий, сухой кусок, прикоснулась к нему языком и надкусила. Вкуса Нола не почувствовала. Нежно поставив желтый контейнер на изгиб левой руки, Нола съела остальную часть пирога, цветы, имена и даже свечи, недоеденные мышами. Потом облизала пальцы и собрала крошки. Когда контейнер опустел, она вернулась на кухню и вымыла его горячей водой с мылом. Нола думала, что от сладкого ее нервы будут на пределе, но этого не произошло. Зато сахар замедлил биение ее сердца. На нее нахлынула сонливая, пенящаяся волна удовольствия, и она чуть не потеряла сознание, прежде чем добралась до дивана.

Спустя час Мэгги и Лароуз проголодались и пришли в дом, удивляясь, почему она перестала проверять, во дворе они или нет. Дети обнаружили ее лежащей на спине с суровым выражением лица и слегка приоткрытым ртом. Она была словно мертвая. Мэгги поднесла к губам матери пальцы, проверяя, дышит та или нет.

После этого Мэгги сделала смешной жест, показывая, что нужно затаиться. Лароуз наклонил голову и на цыпочках пошел прочь. Потом дети взяли две ложки из ящика со столовыми приборами. Мэгги открыла дверцу морозильника и потихоньку достала оттуда коробку клубничного мороженого. Открыв входную дверь, они выбежали во двор и юркнули в сарай, где уже давно облюбовали закуток, который можно было обогреть, включив электрический радиатор Питера. Там они набросились на любимое лакомство. Когда от него ничего не осталось, они закопали коробку и обе ложки в свежевывпавший снег.

* * *

Ромео Пуйят вошел в бар «Мертвый Кастер»⁷⁶ и увидел священника, сидящего у барной стойки на высоком табурете. Отец Трэвис был единственным священником в истории резервации, который выходил в люди и частенько прочесывал местные питейные заведения. Похоже, он получал при этом удовольствие, как от настоящей рыбной ловли, выступая в роли «ловца человек»⁷⁷. Он сел рядом с каким-нибудь завсегдаем, изображающим судака, и даже покупал ему пиво в качестве наживки, чтобы верней поддеть на крючок. Впрочем, он любил ловить и настоящую рыбу, применяя похожую тактику. «Ловить надо в водорослях, – говори-

⁷⁶ Джордж Армстронг Кастер (1839–1876) – офицер армии Соединенных Штатов и командир кавалерии, прославившийся безрассудной храбростью, необдуманностью действий и безразличием к потерям во время Гражданской войны и индейских войн. Погиб при атаке на превосходящие силы индейцев под командованием Сидящего Быка и Неистового Коня при Литтл-Бигхорне, в ходе которой отряд Кастера был разгромлен.

⁷⁷ Библейское выражение, содержащееся в Евангелиях от Матфея и от Марка («И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Матф. 4:19); «И сказал им Иисус: идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков» (Мар. 1:17)).

вал он и цитировал Библию: – *Для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых*⁷⁸. Если бы отец Трэвис набил татуировку, то на ней были бы именно эти слова апостола Павла. Священник чуть сам не стал пьяницей, спасая местных выпивох, но с этим было давно покончено. Теперь он произносил пламенные речи на собраниях анонимных алкоголиков, которые проводил в крипте церкви.

Несмотря на то что отец Трэвис никогда не погружался в тяжелое пьянство, десять лет назад он понял, куда идут дела – одна-единственная кружка пива превратилась в упаковку из шести банок, к которой вскоре добавилась стопка виски, чтобы сознание окончательно отключилось. Он сильно удивился, почувствовав на себе, как тяжело избавиться от этой пагубной привычки, так что у него даже появилось некоторое сочувствие к выпивохам, но он спрятал его поглубже и стал безжалостен к прежним собутыльникам. Он о них молился – тоже безжалостно. Когда кто-то в «Мертвом Кастере» срывался в запой или начинал бузить, он выводил такого человека на улицу, чтобы с ним помолиться. Ромео Пуйят молился дважды, очень усердно, стоя лицом к стене, в которую священник ткнул его носом, прежде чем они стали друзьями. Вот и сейчас отец Трэвис заметил его и поздоровался.

Священник пил кофе. Верджил, хозяин бара, подавал его по утрам, но, кроме него, ничего забористого, только пиво. Ромео с кислым видом принял от него чашку некрепкого полутеплого напитка.

«Макаде машкики ваабу»⁷⁹ было нацарапано на кофейнике.

– Черная колдовская вода, – произнес Ромео. – Ховах⁸⁰. Так вы вчера смотрели новости?

Он и отец Трэвис давно подсели на Си-эн-эн.

Отец Трэвис помешал ложечкой кофе в чашке после того, как насыпал в нее порошковых сливок из картонной коробки.

– Что привело вас сюда? – спросил отец Трэвис и сделал осторожный глоток, словно кофе был действительно горячим.

– Я слушал Маккейна⁸¹ двадцать девятого февраля, – сообщил Ромео. – Он посоветовал телепроповедникам поиметь мертвую овцу, э-э-э... ну не так многословно. Потом, что он сказал о потакании агентам нетерпимости? Фалуэллу?⁸² Робертсону?⁸³ Маккейн мой человек, – заявил Ромео, нанося удар кулаком по воздуху.

У Ромео были впалая, как у туберкулезника, грудь, тощие руки, ястребиная голова и постоянно горящие глаза. Его волосы начали выпадать, и хотя он их отращивал и перехватывал на затылке резинкой, «хвостик» скорее напоминал тоненькую бечевку. Но эту бечевку он поглаживал ладонью с таким видом, словно то был толстый канат. День выдался ясным. Он хотел начать утро с пива, чтобы солнце светило в глаза не так ярко, но, конечно, не мог сделать этого перед своим куратором.

– Я следил за этой историей, – сказал отец Трэвис.

– Подождем, пока наш парень не сделает новый ход.

– Так что ты собирался делать?

– Я заглянул сюда по пути на работу, – объяснил Ромео.

– Что-то новенькое, – заметил отец Трэвис.

⁷⁸ 1-е послание святого апостола Павла к коринфянам, 9:22; синодальный перевод.

⁷⁹ Кофе (*оджибве*).

⁸⁰ Ховах – слово, используемое индейцами оджибве для выражения удивления.

⁸¹ Джон Сидней Маккейн III (род. в 1936 г.) – американский политик-республиканец, сенатор США от штата Аризона с 1987 года.

⁸² Джерри Лэймон Фалуэлл (1933–2007) – влиятельный американский пастор и телепроповедник.

⁸³ Пэт Робертсон (род. в 1930 г.) – американский религиозный и политический деятель, известный телевизионный проповедник.

Он взглянул на Верджила, который протирал дальний конец стойки, не наблюдая за ними. Посетитель, сидящий по другую сторону отца Трэвиса, задал священнику вопрос, и тот повернулся спиной к Ромео. Воспользовавшись этим, Ромео сунул руку в пластиковую кружку, в которую клиенты клали плату за кофе. «25 центов», – гласил ценник. Полчашки было наполнено мелочью, в основном четвертаками. Ромео вынул доллар, словно для того, чтобы его разменять, а затем принялся черпать горстями монеты и отправлять их к себе в карман. Потом он положил доллар в кружку и поставил ее на стойку. Отец Трэвис снова повернулся к Ромео и сказал:

– Я никогда не вижу вас на мессе.

– Усталость, – объяснил Ромео.

– Вот как? Где вы теперь работаете?

– На прежнем месте. Там и тут. Замена санитарно-технического оборудования. Техподдержка, так сказать.

Техподдержка могла означать все, что угодно. Например, поддержание своего жизненного тонуса. Отец Трэвис уставился на Ромео долгим пристальным взглядом. Он работал над этим человеком, каждый раз бросая в пруд по одному маленькому камешку.

На Ромео были фиолетовая водолазка и черное худи на молнии, капюшон которого украшали крошечные черепа, такие же, как те, что были вытатуированы вокруг его шеи.

– Работа нравится?

– У нее стеклянное дно, – проговорил Ромео, покачивая головой. – Сквозь него видны рыбы, жрущие дерьмо. Они находятся в самом конце пищевой цепи. Вы ведь меня знаете, правда? – улыбнулся Ромео.

Его мелкие потемневшие зубы были изъедены кариесом, но он все равно положил в кофе побольше сахара и смотрел, как при помешивании тот вьется вокруг красной пластиковой ложечки.

– Да, я тебя знаю, – ответил отец Трэвис.

– Тогда вы знаете, что я не отношусь к верхушке пищевой цепи. Я не беру еду с верхней полки. Неудачник, вот кто я такой. Куда уж мне водиться с представителями верхов здешнего индейского общества. Такими как Ландро. Он курит трубку и все такое, думает, что он колдун наподобие Рэндалла. Вот как они заполучают женщин. С помощью старого индейского колдовства. Эммалайн заколдовали, это понятно. – Он, как обычно, выбросил два пальца, салютуя, и, встав, чтобы уйти, спросил: – Вы слышали, что сказал о вас Ландро?

– Не пытайся проделать со мной этот трюк, старый алкаш, – проговорил отец Трэвис, смеясь.

– Ну если вы не хотите знать... – протянул Ромео, изображая обиду. – Тогда забудем.

И Ромео стремительно вышел за дверь, бренча мелочью в кармане. Он пересек улицу, вошел в бар заправки Уайти и опустошил карман, чтобы подсчитать кофейные деньги. Вышло больше четырех долларов.

– Кусок пиццы с колбасой, пончик и «Маунтин Дью», – бросил он Сноу, стоящей за прилавком. – Как отец поживает?

* * *

На сто миль вокруг она была единственным психологом. Ее так донимали, что она жила на успокоительных и, чтобы вырубиться, каждый вечер выпивала несколько рюмок водки. К ней на прием записывались за год. Те, кто не мог на него попасть, шли на мессу, а затем посещали отца Трэвиса в приходском доме.

– Мне страшно, – сказал Нола, отколуывая с ногтей бледно-розовый лак.

Через полчаса отцу Трэвису предстояло вести занятия по подготовке пар к браку. Его рабочий стол из массивного дуба когда-то стоял в приходской школе. Священник сидел, вытянув под ним ноги, на раскладном кресле для пикника с сетчатым углублением на подлокотнике – в него он поставил свою кофейную кружку-термос; держатель как раз был рассчитан на бутылку пива. Окна выходили на юг, и в них ярко светило солнце. Листы бумаги, лежащие на столе, буквально сияли. Свет отражался от них и мерцал в светлых глазах священника.

– Миссис Равич, – сказал отец Трэвис ласково, – не бойтесь. Худшее уже произошло. А теперь у вас есть двое детей, Лароуз и Мэгги, которых нужно сделать счастливыми.

– Он теперь живет по очереди у нас и у Айронов. Я имею в виду Лароуза. Если они заберут его насовсем... Я боюсь того, что в этой ситуации могу сделать.

– Сделать?

– Да, с собой, – мягко проговорила Нола, поднимая глаза на священника. В затуманенном взгляде читалась мольба. Но ее слащаво-кукольная красота отдавала чем-то тревожным.

Отец Трэвис слегка откинулся на спинку кресла. Яркий фиолетовый шрам змейкой вился по его шее.

Он был с ней осторожен. Держался по другую сторону стола. Оставил дверь открытой. Притворился, что не понял ее неправильного настроения. Или что не заметил – а он все-таки заметил – черного бюстгальтера, просвечивающего через тонкий хлопок блузки.

– Так вы собираетесь причинить себе вред? – спросил отец Трэвис, желая не поддаваться эмоциям и притворяясь туповатым, но добрым малым. Нола дала задний ход, надула губы, напустила на себя испуганный вид. А когда поняла, что священник может позвонить Питеру, ее взгляд вспыхнул и метнулся в сторону. – Надеюсь, вы не имеете в виду того, что я подумал?

Отец Трэвис отхлебнул кофе и посмотрел на нее из-под бровей. Он не мог сказать, какой процент ее слов был бессовестным враньем. Самоубийство казалось ему оскорблением памяти его друзей, погибших в Бейруте. Они хотели жить, стать хозяевами своей судьбы, а погибли за бесценок – все, кроме него. Так что, возможно, он все еще топтал землю, чтобы отдать долг за 241 потерянную жизнь. От этой мысли он почувствовал прилив злости. Его кулак сжался и разжался.

– Давайте поговорим о Мэгги.

– А что с ней не так? – Отец Трэвис нахмурился, и Нола угрюмо опустила глаза, как нашкодившая девочка. – Она, кажется, привыкла. Они все привыкли. Одна я не могу смириться. Я пришла поговорить о себе.

– Ладно, давайте поговорим о вас как о матери Мэгги. Если вы тем или иным способом займетесь саморазрушением, то потянете и ее за собой. Вам это понятно?

Нола мотнула головой. У нее был такой вид, будто она готова высунуть язык. Это было ужасно, ужасно, священник относился к ней как к придатку ее семьи. Для него она ничто. Он ее даже не слышит.

– Я не хочу о ней говорить, отец Трэвис!

– Почему?

– Она вечно мне перечит. – Лицо Нолы передернулось от волнения, а потом она вдруг заплакала. Отец Трэвис подтолкнул к ней рулон с бумажными полотенцами. Она давилась рыданиями, и искренние слезы текли по щекам. Казалось, Мэгги была главной причиной ее несчастий, ее неспособности справиться с горем. – Она маленькая стерва, – прошептала Нола, уткнувшись в полотенце.

Отец Трэвис услышал.

Нола смахнула слезы с глаз, и ее лицо немного прояснилось.

– Простите, святой отец. Может, мне и впрямь стоит относиться ко всему более спокойно. Наверное, мне нужно начать жить нормальной жизнью. Я должна привыкнуть к тому, как обстоят дела. Принять и смириться. Хватит думать о Дасти.

Отец Трэвис встал и обошел вокруг стола.

– Думать о Дасти – это нормально, – сказал он.

Он стоял позади Нолы и говорил, адресуясь к ее пушистой макушке. Возможно, именно здесь он должен был сдержаться, подождать. Но фальшивое кокетство Нолы раздражало его, казалось похожим на издевательство.

– Не нормально то, что вы сделали на мессе, – сказал он. – Вы ударили Мэгги.

Вспыхнув, она обернулась.

– Это не так!

Отец Трэвис попробовал прожечь ее взглядом, но у него это не очень получилось. Ее миловидность отвлекала и действовала, как броня. Она оказалась куда более твердым орешком, чем вся его компания анонимных алкоголиков.

– Что, если по поводу вашего обращения с Мэгги ко мне явится Питер или придет она сама? Что, если вопрос поднимет кто-нибудь из семьи Айронов или ко мне обратится учительница или еще кто-нибудь? Тогда мне придется пойти в социальную службу.

– Вы действительно так поступите? – проговорила Нола сквозь рыдания, но лицо ее выражало ярость.

Она ринулась вперед, причем так ловко и резко, что ее грудь оказалась прямо в пальцах у отца Трэвиса. Он вздрогнул, словно обжегшись.

Нола сделала шаг назад, в ее глазах застыло изумление.

– Скажите, что вы говорили не всерьез о социальной службе, отец Трэвис. А я сделаю вид, что вы не касались моей груди.

На щеках Нолы появились ямочки, но в глазах была сталь.

– Грудь? – переспросил отец Трэвис и указал гостье на дверь, взорвавшись гомерическим хохотом. – Эй, Стэн! – крикнул он в коридор. Появился церковный служка с метлой в руке. – Слушай! Миссис Равич сейчас притворится, что я ее домогался.

– Да, ладно, – отозвался Стэн и продолжил мести.

– Вы не первая, кто пытался это проделать, – пояснил отец Трэвис, когда она повернулась к нему, уязвленная и взбешенная. – Вы должны знать, что я никого так не трогаю. Я не один из тех священников, которые себе это позволяют.

Теперь она начала плакать уже по-настоящему, а потом ушла, спотыкаясь на высоких каблуках.

* * *

Частью дома Ландро и Эммалайн была старая хибара, построенная еще в 1846 году, когда их предки отчаянно пытались укрыться от снега.

Им обоим нравилось думать, что, если снять слои гипсокартона и штукатурки, под ними окажутся стены, сделанные из жердей, обмазанных глиной. Здесь протекала жизнь всех их предков – младенцев, матерей, дядьев, их детей, тетушек, бабушек, дедушек – в туберкулезе, в дифтерии, в печалих и бесконечных чаепитиях, веселых и священных, в темных историях, связанных с магией. Они жили и умирали там, где теперь была гостиная, и среди них всегда находился кто-нибудь по имени Лароуз.

Спустя время к первоначальной хижине добавились пристройки. Их бревенчатые срубы стали единым массивом в 1920-е годы, когда дед Эммалайн купил доски, обшил дом, а затем сделал над ним единую крышу. В пятидесятые возведенную рядом с домом пристройку с односкатной крышей утеплили, и в ней разместились спальни. Вплоть до семидесятых они пользовались нужником во дворе, таскали воду из колодца, кипятили белье, стирали сначала на доске, потом стали пользоваться стиральной машиной с ручным отжимом. Но затем появились ванная комната, рядом с ней крошечная прачечная, и дом был завершен.

В течение следующих десяти лет Эммалайн жила там с матерью. Когда Эммалайн закончила колледж и в доме появился Ландро, а потом дети, миссис Пис перебралась в Дом старейшин. Из ее маленькой спальни, где теперь обитали Эммалайн и Ландро, дверь вела в ванную. Джозетт и Сноу подолгу мылись там и наводили красоту, отправляя братьев в старый мужник, когда те начинали барабанить в дверь.

На стенах кухни и гостиной, самых старых частей дома, до сих пор держались обои пятидесятых годов. Их поверхность пошла рябью под несколькими слоями краски – сначала темно-зеленой, потом светло-зеленой, а затем сине-серой, которую предпочла Сноу. Джозетт ее не одобряла и потому получила право выбора обоев для их общей спальни – с букетиками лаванды, перевязанными развевающимися белыми ленточками. Никто никогда не думал о том, чтобы покрасить стены спальни мальчиков, – их покрывала древняя красная краска, едва видная из-под старых постеров с Черепашками-ниндзя, Сидящим Быком⁸⁴, Бэтменом, Тупаком⁸⁵, вождем Маленькая Ракушка⁸⁶, с группой «Дестиниз Чайлд» и с рекламой фильма «Шестое чувство».

В восьмидесятые годы дом подняли на домкратах. Потом его опустили на новый фундамент из шлакобетонных блоков, избавив таким образом от сырости и ползучей плесени. Тогда он превратился в настоящий дом – с низким подвалом, куда можно было заползти на четвереньках. Когда Эммалайн вышла замуж за Ландро, тот построил небольшую террасу у входа – площадку, достаточно большую для двух шезлонгов и цветочного горшка, поросшего травой. Когда она была закончена, дом вдруг стал походить на многие другие дома. Ландро представлял себе, как он и жена будут стареть, сидя на этой террасе, наблюдая за случайными машинами в просветах между деревьями, стоящими вдоль дороги, и ожидая, когда их дети, а затем внуки выйдут из школьного автобуса, перепрыгнут через заросшую травой и полевыми цветами канаву и пойдут, направляясь к ним, по скошенным сорнякам или, как теперь, зимой, по замерзшим комьям вспаханной земли.

Все будет хорошо. Мы вместе состаримся здесь.

Так думал Ландро, когда Питер впервые завез к ним Лароуза. Они будут вместе и весной, и летом, в самые жаркие дни, когда дом прогревается насквозь и старые бревна в его глубине отдают землистый запах жирной глины.

Ландро открыл дверь, и Лароуз пробежал мимо него в обнимку со своим плюшевым зверьком, пронзительным криком зовя мать. Ландро обернулся, чтобы помахать Питеру на прощание, но тот быстро развернулся и выехал на дорогу. Ландро закрыл алюминиевую входную дверь, а затем и деревянную, внутреннюю. Видеть, как Лароуз и Эммалайн бросаются друг к другу в объятия, ему было больно, поэтому он наклонился над грязным ковриком и долго подбирал пары разбросанным ботинкам, а затем расставлял их рядами. Когда он наконец пришел к ним, бессильно опустив длинные руки, они говорили о том, как пользоваться картофеле-лечисткой.

Лароуз сидел за столом у окна, освещенный лучами тусклого зимнего солнца. Края стекла, рама и подоконник были покрыты инеем. Мальчик счищал картофельную кожуру, полоска за полоской, и складывал ее на пластиковую тарелку. Эммалайн потрясла куски мяса в пакете с мукой, а затем стала вынимать их по одному и аккуратно класть в скворчащий жир. Чугунная сковорода была гладкой и лоснящейся от постоянного употребления в течение пятидесяти лет. Она принадлежала еще матери Эммалайн.

⁸⁴ Сидящий Бык (1831–1890) – вождь индейского племени хункпапа (часть народа лакота из группы народов сиу), возглавлявший сопротивление коренного населения вооруженным силам США.

⁸⁵ Тупак Амару Шакур (1971–1996) – хип-хоп исполнитель, продюсер и актер из Гарлема, Нью-Йорк.

⁸⁶ Томас Маленькая Ракушка (ок. 1830–1901) – вождь группы индейцев оджибве (чиппева) во второй половине XIX века, когда этот народ населял обширную территорию на юго-западе Канады и на севере США от Дакоты до Монтаны.

Ландро сидел по другую сторону стола с раскрытой газетой. Шуршание, которое та издавала, выдавало легкую дрожь в его руках.

Сноу и Джозетт вошли первыми. Уиллард с Холлисом втащили спортивные сумки сестер и бросили у дверей вместе со своими. Девочки подбежали к Лароузу, крепко обняли и картинно заревели, стоя на коленях перед кухонным стулом, на котором он сидел. Старшие мальчики шлепнулись с ним ладонями.

– Старик, мы не занимали твою койку, она до сих пор свободна, – сказал Холлис.

– Да, я пытался на нее лечь, так он стащил меня на пол, – добавил Кучи. – Теперь она снова твоя.

– Он спит здесь! В своем собственном доме! – простонала Джозетт.

Лароуз гладил волосы сестер, в то время как девочки соревновались, кто кого переплачет.

– Мии'ив⁸⁷, – сказал Ландро на оджибве.

Сестры хлюпнули носами. Вид у них был просветленный, словно внутри каждой зажегся маленький огонек. Они были так счастливы, что не знали, как выразить радость, опасаясь, как бы она не выглядела фальшивой. Девочки тоже сели и принялись за морковь.

– Ты срезаешь чересчур много.

– Вовсе нет. Погляди на картошку.

– Соразмерность, Джозетт.

– Не будь окольпой.

Они получили от учительницы, которая их обеих любила, список редких слов для заучивания. Впрочем, их любило большинство преподавателей, потому что они занимались прилежно. Сейчас они были освобождены от занятий, чтобы закончить волейбольный сезон. Игры устраивали в часе, а то и в двух часах езды от дома и проводили весь вечер. Как и баскетбольные матчи, в которых участвовали Холлис и Уиллард. Ландро и Эммалайн по очереди отвозили и забирали детей, потому что езда на школьном автобусе занимала еще больше времени. А кроме того, они заставляли детей учить уроки на заднем сиденье с фонариком. Как они до этого додумались? Пригодился опыт матери Эммалайн. Такую преданность наукам родители Ландро не поняли бы. Они пили и рано умерли.

* * *

У Ромео Пуйята действительно была работа, на самом деле даже не одна. Его временная должность младшего сотрудника техподдержки в племенном колледже⁸⁸, собственно, и давала возможность подработок, находящихся, как он говорил, в самом конце пищевой цепочки. Он был рыбой, питающейся донными отложениями. В племенном колледже он много читал, приютившись в углу между шампунями для ковров и полиролями для окон. Он надеялся перебраться в какое-нибудь другое заведение, такое как, например, племенная больница, но люди, получавшие там места, похоже, оставались на них навсегда. В любом случае официальная работа обеспечивала его вторую работу, подобно большой рыбине, рядом с которой кормится целый косяк рыбешек-прилипал.

Подработки Ромео, хотя и неофициальные, может быть, даже добровольные, были прибыльными и многоаспектными. Например, он собирал и утилизировал опасные отходы, обычно содержащиеся в упаковках лекарств, прописанных врачами Индейской службы здраво-

⁸⁷ Вот так-то (*оджибве*).

⁸⁸ Колледжи и университеты племен – высшие учебные заведения, обслуживающие нацменьшинства в Соединенных Штатах. Они контролируются и управляются американскими индейскими племенами и играют важную роль в сохранении их культуры.

охранения. Никто его не нанимал и не просил делать ничего подобного, но это стало частью его образа жизни. При уборке коридоров он, идя на всевозможные ухищрения, старался как можно дольше оставаться поблизости от каждой аудитории для того, чтобы искать лекарства, которые могли быть по ошибке оставлены в сумочках. На добровольной основе он даже выносил опасные отходы, накапливающиеся в других зданиях, причем особо усердствовал при посещении больницы. Постороннему могло показаться, что Ромео ищет окурки. И хотя нельзя было отрицать тот факт, что он действительно мог подбирать едва начатые сигареты у некоторых дверей (где их бросали в спешке, проходя в зону, где курение запрещено), он строил куда более далеко идущие планы. Часть его работы была, по сути, больше тайной, чем явной. Кто-то в баре – может быть, священник – как-то раз назвал Ромео специалистом по информации обо всем, касающемся резервации. Сам он считал, что это правда. Он был шпионом, но шпионом свободным. Он никому не служил и сам вел дела собственной фирмы, состоящей из одного человека, единолично извлекая выгоду из ее операций.

У Ромео были свои методы. Он извлекал уйму важной информации, имитируя какую-нибудь деятельность поблизости от кафе племенного колледжа, или стоя за дверьми комнат, отведенных для чаепития преподавателей, или просто неприметно посиживая в местах, где бывает много людей. Раз или два, в порядке исключения, он даже подслушивал, сидя на травянистом откосе невдалеке от приехавших на вызов сотрудников «Скорой помощи». Они знали все о случившихся катастрофах и болтали о вещах, которые никогда не выплывают наружу. Ромео прознал о случаях, когда самоубийство было скрыто, чтобы отпеть и похоронить усопшего по церковным канонам. Он проведал о тайных абортах и подозрительных смертях новорожденных, почти неотличимых от СВСМ⁸⁹. Он пронюхал о случаях передозировки наркотиков, выяснил, каких именно, и разведал, насколько усердно боролись врачи, чтобы вернуть пострадавших с того света, когда приходило время предоставить их собственной судьбе. Вся эта информация мигом оседала в его голове. Знать подобные вещи было полезно. По сути, Ромео считал, что обширная информация разрушительна и, в качестве дополнительной выгоды, являющаяся субстанцией, не связанной с серьезными юридическими последствиями, превосходит любую другую форму власти. Вот так обстояли дела.

Также Ромео занимался отходами. Причем специализировался на отходах фармацевтических. Обычно документация, связанная с ними, измельчалась и запыралась в дампстеровских контейнерах. Но Ромео держал на крючке некоего работника аптеки, который «принадлежал» ему в силу некогда добытой против него информации. Каждые несколько дней Ромео мог стибрить пару мешков и засунуть их в багажник своей машины.

Ромео занимал квартиру, некогда оборудованную для инвалида и признанную негодной для проживания, в подлежащем сносу племенном жилом комплексе, шутивно прозванном «Зеленые просторы»⁹⁰, – тот был построен на месте токсичной свалки, где из-под земли просачивался зеленый дым. Ромео был нечувствителен к вредным испарениям, которые проникали через трещины в линолеуме. Плесень, как черная, так и красная, тоже никогда его не беспокоила. Если запах становился очень уж крепким, он воровал на заправке Уайти новые автомобильные освежители – манговый ему нравился больше всего. Главным украшением квартиры служила искусственная елка, наряженная круглогодично. На ветках из фольги висели автомобильные освежители с ароматом манго. Стены украшали фотографии, припиленные к размякшему гипсокартону. Имелись также телевизор, мини-холодильник, бум-бокс⁹¹, матрас, два

⁸⁹ СВСМ – синдром внезапной смерти младенцев во время сна.

⁹⁰ «Зеленые просторы» – комедийный американский телесериал (1965–1971).

⁹¹ Бум-бокс – большой переносной стереомагнитофон или проигрыватель компакт-дисков.

грязных синтетических спальных мешка и красивая лампа ручной работы из веток алмазной ивы⁹² со сломанным абажуром, похожим на заломленную шляпу.

При свете этой лампы, сидя на водительском сиденье, вырванном из разбитого фургона, Ромео изучал содержимое мешков. Все, что мог пожелать, лежало перед ним на бумаге – ненужные распечатки, этикетки, рецепты, заметки фармацевта, которые его купленному за порочащие сведения информатору удалось избавить от измельчителя бумаг. В этих кучах он обнаруживал данные о том, на каких лекарствах сидят все члены племени, а также какие из них, проходя через руки племенных шишек, перетекают в руки их близких родственников. Именно так Ромео узнавал, кто умрет, а кто останется жить, кто еще больший псих, чем он сам, а кто мыслит здраво и награжден здоровьем свыше. Он вел свои подсчеты в блокноте – препарат, дозировка, дата повторной выдачи, рекомендации по приему лекарства. Хотя в документах, получаемых Ромео, врач ни разу не советовал пациенту растолочь лекарство в порошок и вдохнуть, собиратель тайн знал, что зачастую именно этот способ был предпочтительным методом его употребления.

Сегодня слова «паллиативное лечение» появились снова. Все листки с этой надписью он хранил в отдельной стопке. Еще среди выброшенных бумаг, доставшихся ему сегодня в мешке, его ожидал бонус. Это был его любимый раздел в племенной газете – страница с некрологами. Он сопоставил несколько заманчивых рецептов, выписанных на одно из приведенных на ней имен, а затем отметил, что похороны состоятся завтра.

На следующее утро без четверти десять Ромео остановился у продуктового магазина, инвестировал несколько долларов в фунт тушеного мяса, а затем поехал к церкви. Там он припарковался на дальнем краю стоянки рядом с пикапом, крышку бензобака которого можно было легко открыть обыкновенной отверткой. Он подождал в машине, пока все не войдут в церковь, а затем быстро перекачал в собственный автомобиль достаточно бензина, чтобы проехать к дому умершего и вернуться. Тот находился в шести милях, и мужчина добрался туда за пятнадцать минут.

Ромео остановился у ворот нужного ему дома и, выйдя, постучал. Большие дворовые собаки дико залаяли, но он бросил им несколько кусков мяса в качестве аргумента. Когда он подошел к дому, маленькие домашние собачки залаяли внутри. Больше никто не откликнулся, а на входной двери стоял дешевый замок из «Уолмарта». Отверткой с плоским рабочим концом он отвел в сторону изношенный язычок, вошел и бросил на пол еще несколько кусков тушеного мяса. Собаки завиляли хвостами и поплелись за ним в спальню. На маленьком складном столике рядом с кроватью стояло несколько янтарных пластиковых флаконов, которые привлекли его внимание. Ромео присмотрелся и взял один из них. Ящик прикроватной тумбочки был наполовину выдвинут. Бинго! Еще три баночки, одна полная. В ванной он тщательно изучил содержание аптечного шкафчика, с хмурым видом осматривая каждое лекарство. Потом улыбнулся, встряхнул один флакон и положил в карман еще три. Незачем мелочиться. Была уже половина одиннадцатого. Он поковырялся в замке, чтобы язычок опять встал на место, и ушел. В его кармане еще оставалось полфунта мяса.

Было без пяти минут одиннадцать, когда Ромео вернулся на похороны. Он завернул лекарства в полиэтиленовый пакет и спрятал его под задним сиденьем. Туда же отправилось мясо. Он принял небольшую дозу наркотического анальгетика и тихо вошел в церковь. Все взгляды были устремлены вперед, на родственников, держащихся за концы покрыва на гробе. Когда усопшего выносили из церкви, Ромео положил руку на сердце. Чтобы сэкономить бензин, на кладбище он поехал автостопом.

⁹² Алмазная ива – ива с древесиной, деформированной в виде ромбовидных сегментов с чередованием цвета в результате воздействия грибка.

После печальной церемонии погребения все облегченно заплакали. Ромео вернулся к церкви и последовал за остальными гостями в зал, где были организованы поминки. Здесь он наелся до отвала. Он пил некрепкий кофе и разговаривал с родственниками скончавшегося, а также с родственниками родственников. Он остался до самого конца, пил еще кофе, ел торт, а потом взял домой его остатки, уложенные на бумажные тарелки. Наконец он грустным кратким кивком поприветствовал изображение незнакомого человека, улыбающегося в камеру и держащего доску, на которой, очевидно, были выгравированы его заслуги. Вернувшись в свою квартиру, Ромео воспользовался листом жесткой бумаги, чтобы аккуратно разделить порошок в две тонкие линии.

– Куда двинем, дружище? – произнес он, обращаясь к вселенной.

Ромео втянул линии через приставленную к носу трубочку и упал обратно на водительское сиденье. Ему грезилось, что он уплывает вдаль, теперь уже на безопасном заднем сиденье, удобно устроившись на его вытертом сером плюше. Его спутники, снимки на стене, улыбались безмянным фотографиям. Некоторые изображения относились к школьным годам. На одном из них была Эммалайн со своей матерью, его любимой учительницей миссис Пис. С другой смотрели Ландро и два других парня – они оба уже умерли. Нечеткое изображение Стара, поднимающего кружку с пивом. Холлис, несколько его фотографий из начальной школы, одна из средней и еще одна, на которой они позировали вдвоем. Ромео и Холлис. Самая заветная. Еще на стене висела пожелтевшая, давным-давно вырезанная из газеты свадебная фотография Эммалайн и человека с телом Ландро, но с вырезанным лицом. Кроме того, там были люди, имен которых он не помнил. Ромео стартовал, словно космический корабль. Взмыл ввысь сквозь потолок из попкорна и черной плесени. И далее, через ключья рубероида на крыше, хлопающие под напором ветра. На другой стороне поселка, центра их резервации, миссис Пис, его товарищ по путешествию, улетающая мимо него в космос, положила ему руку на плечо, как не раз делала в школе. Он втянул голову в плечи, хотя она за всю жизнь ни разу его не ударила. Он всегда пытался увернуться, когда кто-то делал слишком резкое движение. Рефлекс.

Привет, красавица

Нола пришла в будний день на мессу, а после нее явилась в офис к отцу Трэвису и села там, ожидая его. Священника часто ловили в коридоре. Вот и сейчас она слышала, как он с кем-то разговаривает. А верней, больше слушает и время от времени задает вопросы. Речь шла о каких-то деталях ремонта стены в подвале. Или, может, об окнах. Говорили о том, что проникнет холод, а весной просочится влага, отчего появятся грязь и змеи, которых вокруг водилась уйма. Иногда они даже заползали в церковь. Это было характерно для нескольких мест в их районе, а также для равнин Манитобы⁹³. У змей были старые гнезда глубоко в земле, откуда они вылезали каждой весной в невероятных количествах, и отделаться от них не представлялось ни малейшей возможности.

Нола никогда не боялась змей, хотя ей казалось, будто их к ней тянет. Вот и сейчас она увидела затаившуюся ленточную змею⁹⁴

⁹³ Манитоба – канадская провинция, расположенная в регионе Канадские Прерии. Провинция в основном равнинна. Граничит со штатом Северная Дакота, США.

⁹⁴ Ленточная змея – небольшая безвредная неядовитая змея с полосками вдоль спины, обитает в Северной Америке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.